

*Ким Мишель
Ричардсон*

КНИЖНАЯ ДАМА ИЗ БЕСПОКОЙНОГО РУЧЬЯ

БЕСТСЕЛЛЕР AMAZON

Такая разная жизнь

Ким Мишель Ричардсон

**Книжная дама из
Беспокойного ручья**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Ричардсон К.

Книжная дама из Беспокойного ручья / К. Ричардсон —
«Издательство АСТ», 2019 — (Такая разная жизнь)

ISBN 978-5-17-127467-2

Во времена Великой депрессии в штате Кентукки была организована конная библиотечная служба. Целью проекта являлось создание новых рабочих мест и повышение грамотности населения. Всадниц, доставляющих книги в самые труднодоступные уголки этого дикого края, называли книжными дамами. Мэри Кюсси Картер одна из таких книжных дам. В любую погоду она бесстрашно преодолевает милю за милей, стремясь передать книги своим читателям. Но путь Мэри намного сложнее, чем у ее «коллег», он пролегает не только через непроходимые леса, но и через дебри человеческих предрассудков... Слишком уж сильно она отличается от других. Мэри последняя в своем роде – ее кожа голубого оттенка. Местные называют ее Василек, и большинство произносит это с презрением и брезгливостью. Но для того, кто посвятил себя книгам, столкновение с реальностью может оказаться невыносимым... «Книжная дама из Беспокойного ручья» – это история мужества и непоколебимой веры одного человека в то, что словам под силу изменить мир.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-127467-2

© Ричардсон К., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	18
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ким Мишель Ричардсон

Книжная дама из Беспокойного ручья

Kim Michele Richardson

THE BOOK WOMAN OF TROUBLESOME CREEK

© Фитисов Н., перевод, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Сам факт существования библиотек – это лучшее свидетельство того, что у человечества все-таки есть будущее.

Т. С. Элиот

Кентукки, 1936 г.

Девушка и ее мул заметили это одновременно. Уши скакуна встали торчком, он затормозил, да так резко, что заскользили передние копыта, и съехала корзинка, из которой выпали книги. Вылетевшая струя грязи ударила наезднице прямо в глаза. Животное едва могло смотреть куда-либо, кроме тела, маячащего перед ним.

Пристально вглядываясь в ту же точку, книжная дама потянула поводья и ударила пятками по бокам мула. Обнажив крупные зубы, зверь в знак протеста задрал морду, поглощая пряный и ароматный воздух, и по безмятежным горам раскатом пронесся рев.

Девушка застыла на месте и еще сильнее натянула поводья.

Раскачиваясь из стороны в сторону, на толстой ветке висел мертвец. Из-за сильного натяжения скрипела веревка, туго обхватившая его шею. К покойнику уже слетелась стая гриффиндеек, жадно сующих свои уродливые оголенные головы к бездыханному телу; на увядающую траву падали черные тени суевившихся птиц.

Раздались странные крики, заставившие девушку перевести остолбеневший взгляд с трупа на выжженную землю.

За огромным перевернутым бидоном в грязи лежал ребенок, его искаженное лицо разрывалось от яростного плача.

Преображая воздух, горный ветерок лениво поглощал весь смрад и уносил вдаль. Ветка ломилась от тяжести груза. Окровавленный чулок медленно скользил по обмякшей ноге лазурного цвета. Закрыв рукой рот, девушка уставилась на ярко-синее тело. Чулок полностью сполз и аккуратно приземлился рядом с головой кричащего младенца.

Ветер кружил, пытаясь унести его за собой, но тот словно врос в землю и упрямо не двигался с места – непосильная ноша для обычного летнего бриза.

Подняв глаза, книжная дама притянула темнеющую руку ближе к синему лицу, словно сравнивая собственный цвет кожи с повешенным страдальцем. Она внимательно осмотрела свое темно-синее тело и, набравшись смелости, мельком взглянула на труп, который теперь навечно останется здесь, подобно черному дубу, безвозвратно пустившему корни в старейшие суровые земли штата Кентукки, из которого многие так безнадежно пытались сбежать.

Глава 1

Едва миновало пятнадцать часов с наступления нового года в Беспокойном ручье, как отец, выйдя из хижины, поставил на крыльцо свечу для свиданий, задрав фитиль подозрительно высоко.

Он был полон надежд. Предвкушая, что в этом, 1936 году его единственная дочь, девятнадцатилетняя Кюсси Мэри Картер, выйдет замуж, оставив наконец Конную библиотечную службу. Последний жених должен был сделать ей предложение.

– Кюсси, – через плечо обратился ко мне отец. – Я обещал маме добиться достойной жизни, но такими темпами скорее разорюсь на этих свечах, пытаюсь помочь тебе. Хотя ладно, пусть еще погорит. – Взявшись за изогнутую ручку, он поднял выше старый подсвечник из кованого железа, несколько раз поправив деревянную подложку, из-за чего фитиль то поднимался, то опускался вниз вдоль спирали.

– Но у меня достойная жизнь, – тихо возразила я и, выйдя вместе с ним на улицу, села в деревянное кресло, укрывшись стеганым одеялом. Первый день января принес тонкий слой снега на порог нашего дома, стоявшего в заливе. Па опустил свечу и зажег висящую на крыльце лампу.

На свет прилетели две пяденицы, немного покружились и успокоились, сев неподалеку. Пары чистого талого снега смешались с источаемой деревом легкой дымкой, которая окутывала наше скромное жилище. Дрожа от холода, я с головой накрылась одеялом, пока пронизывающий ветер скоблил горы, проносился сквозь сосны и черные голые ветки, образуя ласкающий ухо свист.

Через минуту Па поднял свечу, провел пальцем по фитилю и выпятил подбородок: на его лице промелькнуло еле заметное одобрение.

– У меня хорошая работа, которая приносит нам двадцать восемь долларов в месяц. Я развожу книги, а ведь они так нужны людям в наших краях.

– Но я уже вернулся на шахту, теперь она работает в обычном режиме.

Па зажал фитиль.

– Я им все еще нужна.

– Я переживаю за тебя. От такого холода можно умереть, как твоя мама. У меня никого не осталось, Кюсси. Ты последняя из нашего рода. Единственная.

– Па, прошу, перестань.

Он протянул руку и поправил прядь моих волос, упавших на лоб.

– Не хочу видеть, как ты скачешь на этом старом муле по опасным перевалам, темным ущельям и холодным бухтам просто потому, что правительство хочет продвигать свои дурацкие книжонки в нашем крае.

– Это безопасно.

– Ты можешь заболеть. Вспомни, что случилось с той библиотекаршей и мулом. Полное безрассудство. Бедному животному пришлось горько расплачиваться за ее авантюры.

Снег падал быстрее, хлопья кружили в порывах ветра, вихрем уносящего их со двора, украшенного листьями.

– Это было давным-давно. У меня шустрый мул, и он прекрасно чувствует себя на дороге. Я тоже абсолютно здорова, как и большинство людей. – Но темные руки коварно выдавали меня своим синим оттенком. Пришлось их спрятать в складках одеяла, чтобы остаться совершенно спокойной. – Ну, пожалуйста. Это хорошие деньги.

– Где же твоя благопристойность? Девушки жалуются, что ты таскаешься по горам с грязными книжками.

– Неправда. Я развожу вполне приличную литературу, – пыталась я объяснить уже не первый раз, – «Робинзон Крузо», Диккенс и многое другое, а еще журналы «Популярная механика» и «Домашний компаньон женичины». Брошюры с советами по починке вещей. Выкройки. Кулинарные книги и книги по уборке. Очень полезные и нужные вещи. Приличные.

– Опять за свое. Неприлично ездить верхом по горам и вести себя как заправский мужик, – пробурчал отец грубым голосом.

– Взрослые и дети становятся образованнее. – Я указала пальцем на небольшой мешок с журналами в углу, которые необходимо разнести в ближайшие несколько дней. – Помнишь статью из «Нэшнл Географик» о родине прадеда? О французском местечке Кюсси? Меня еще называли в честь этого города. Тебе же понравилось тогда.

– Ты, черт возьми, заслужила это имя, и теперь заставляешь меня ругаться из-за своего же упрямства. Мне не нужна жалкая бумажка с набором букв, чтобы узнать о твоём имени или месте рождения родственника. Мы с мамой вполне хорошо жили и без этого. – По-прежнему переживая за огонь свечи, отец, задумавшись, приподнял бровь и изменил высоту фитиля. Все, как обычно, зависело от пришедшего жениха и желания хозяина поддерживать пламя в старом подсвечнике.

Па перевел взгляд на ручей, вернулся к свече, а затем снова, уже более пристально, стал рассматривать берег. Тихо ворча себе под нос, он мучительно думал, что делать с фитилем, стоит ли его поднять, опустить пониже или оставить где-то посередине. С одной стороны, большой фитиль дольше горит и продлевает встречу, с другой – он быстрее потухнет для любого жениха, которого Элайджа Картер не сочтет подходящей партией.

– Народу нужны книги. А моя работа – удовлетворять аппетиты людей, голодных до знаний.

– Женщина должна хранить домашний очаг, – он поднял свечу.

– Но, если я выйду замуж, УОР меня уволит. Прошу. Я библиотекарь. Даже сама Элеонора Рузвельт одобряет.

– В отличие от моей незамужней дочери, первая леди США не занимается мужской работой, волоча свою задницу по ухабистым горным дорогам.

– Люди хотят учиться, – я снова мельком взглянула на руки и потерла их под одеялом, – а книги просто созданы для этой цели.

– Людям куда важнее иметь еду на столе. Многие голодают и болеют. В том числе и дети. Старики умирают. Мы в буквальном смысле сосем лапу в этих краях. Почти две недели назад вдова Каролина Барнс впустую прошла девять миль, чтобы спасти своих малышей.

Бедная женщина кое-как добралась до города и скончалась на его улицах. Тело было в сыпи от пеллагры. Я много раз видела, как у голодающих выпадает такая сыпь. В прошлом месяце одна женщина из ущелья потеряла пятерых из двенадцати детей, а еще месяцем ранее в том же районе дальше по горе умерла целая семья.

– Но люди говорят, что книги облегчают их страдания. Это самое лучшее, что с ними происходило в жизни, – парировала я.

– Картинка курицы, напечатанная на странице, не спасет их, – возразил Па, трясая фитиль и пытаясь меня уговорить. – А это, – он слегка ударил кулаком по подсвечнику, – это тебе и нужно.

Чересчур задранная свеча отчаянно показывала свою наготу, что вызывало смущение. Теперь и я заметила тревожность в серых глазах Па.

* * *

Очень долго я разделяла страхи отца относительно дальнейшей судьбы его единственной дочери, но это продолжалось ровно до того дня, когда стало известно о социальной программе

Рузвельта «Новый курс», направленной на поддержку населения во время Великой депрессии. Наш народ страдал чуть ли не со времен моего рождения, но сейчас правительство внезапно вспомнило о нас и предложило свою помощь. В прошлом году президент приказал Управлению общественных работ штата Кентукки нанимать женщин разносчиками литературы и предметов искусства. Для многих жителей горных районов, то есть для всех нас, это был первый опыт взаимодействия с библиотекой, который доставлял удовольствие и пробуждал еще больший интерес.

В городе я увидела объявление о работе, в котором требовались женщины для конной доставки книг. В нем ничего не было сказано о цвете кожи, в том числе о моем. Спустя месяц после смерти матери я втайне от отца заполнила анкету и получила должность в Конной библиотечной службе.

– И они дали работу, *тебе*? – Па был ошарашен, узнав об этом прошлым летом.

Я не стала рассказывать ему о том, как обошла проверку, отправив заявление через почтовое отделение. По условиям заявки человек мог обратиться к заведующему библиотекой своего города либо отправить документы напрямую в Конную библиотечную службу, которая базировалась во Франкфорте. Уж лучше попытаться счастья с незнакомыми мне людьми, нежели доверяться начальству Беспокойного ручья.

– Что, других не нашлось? – спросил отец. – Ты не можешь работать, – тут же добавил он.

– Па, нам нужны деньги, а эта работа хорошо оплачивается и...

– Работающая женщина никогда не выйдет замуж.

– Да кто меня такую возьмет, синюю? Кто захочет?

Я была уверена, что никто не станет связывать себя узами брака с одним из *Синих людей штата Кентукки*. Что никому не нужна тихоня, чьи губы и ногти цвета голубой сойки, а оттенок кожи напоминает васильки, растущие в наших краях.

Мне не хватало смелости смотреть людям в глаза, ведь в противном случае страх мог выдать мои истинные чувства. Обычный стыд, проблеск радости, вспышка гнева или внезапный испуг медленно, но верно окутывали кожу, постепенно покрывая все тело, и в результате мое спокойное лицо заливалось краской цвета зрелой черники, что вынуждало собеседника в спешке ретироваться. Вырисовывалась не самая радужная перспектива семейной жизни для последней женщины из синего горного рода, обманувшей людей со всего Содружества и даже врачей. *Здоровая девушка с оттенком кожи, как у всем известной синей васильковой стрекозы, обитающей повсеместно в заливах штата Кентукки*, – к такому выводу пришел озадаченный старый доктор, тут же окрестив меня Васильком. С первой же секунды эта кличка прижилась.

– Кюсси, ты сможешь выйти замуж за человека не из нашего круга общения, который увезет тебя отсюда. Именно поэтому я копаю уголь. Поэтому тружусь не покладая рук, – любил говорить Па, обсуждая мое будущее.

И тогда клеймо позора повисло бы в мертвой тишине, съедая меня с головы до ног. Ведь люди вокруг думали, что наш род существует только за счет кровосмешения. Но это неправда. Мой синий прадед из Франции обосновался в этих краях, женившись на белой уроженке Кентукки. Несмотря на это, наряду с обычными, у них родилось несколько синих детей. Подобно другим горным кланам этих окрестностей, некоторые вышли замуж за чужаков, однако были и те, кто женился на своих родственниках, поскольку они не могли далеко уехать.

Вскоре мы, синие люди, во избежание насмешек со стороны, заставили себя уйти глубоко в горы. В самую темную часть нашей страны. Па любил это место, называя его безопасным для меня, последней представительницы нашего рода, единственной. Но я читала в журналах о подобных *видах*. Канадский олень, странствующий голубь. *Под угрозой исчезновения*. Читала о том, почему многие животные были истреблены. Сама мысль стать жертвой, навсегда исчезнуть, оказаться последним Васильком во всем мире, единственной представительницей

нашего рода, наводила такой ужас, что мне хотелось поскорей примчаться к зеркалу, расчесать до крови горло и бить себя в грудь до тех пор, пока не вернется дыхание.

Многие смотрели на нас с презрением. Хотя на работе у Па не было проблем: его бледно-синяя кожа особо не раздражала людей, когда они, одинаково грязные, вместе выходили из шахты.

Но ведь я не могла просто так измазаться углем в черно-белом Кентукки. Поэтому настоящим спасением стал заветный книжный маршрут. В его старых, темных лесных карманах мои читатели, лишь мельком увидев меня на муле с полной корзиной книг, тут же начинали радостно кричать: «Книжная дама! Вон там! Книжная дама здесь!» В такие моменты я вовсе забывала о своей особенности, ее происхождении и значении для меня.

Совсем недавно глава проекта Конных библиотечарей Юла Фостер отметила мои успехи, сказав, что эта работа дала мне образование ничуть не хуже школьного. Мне было приятно услышать эти слова. От гордости я в буквальном смысле налилась фиолетовым цветом, несмотря на то, что она с удивлением говорила об этом с другими книжными дамами:

– Если даже Василек научилась стольким вещам из наших книг, то представьте, что делает эта программа с обычными людьми...

Я купалась в лучах славы, чувствуя себя настоящим эрудитом.

Но услышав о той страшной поездке Агнес в прошлом месяце, когда лошадь выбросила ее из седла в снег, Па еще больше утвердился в своем решении выдать меня замуж. Вскоре он стал распространяться о моем цвете коже, предлагая «щедрое» пять долларов и 10 акров леса приданным. Когда на горизонте замаячили перспективы землевладения, мужчины – один с выпирающим длинным зубом, второй еще совсем мальчишка – добивались моего расположения, игнорируя происхождение от *Синих людей*. Некоторые в лоб спрашивали о родах, будто бы обсуждая домашнюю скотину, – так они хотели убедиться, что их будущие сыны и дочери не будут иметь этот синий оттенок.

Моей руки мог просить даже ужасный тролль из сказки про трех козликов, ведь отца не волновали сами женихи. Кто бы ни приходил, в последнее время он позволял свече гореть непростительно долго.

Но я же не могла так рисковать. По правилам УОР, замужние женщины, имеющие трудоспособного супруга, не могут работать, поскольку с *логической* точки зрения муж являлся главой семьи.

Логика. Мне нравилось мое положение. Я обожала свободу и одиночество, которые мне подарили эти последние семь месяцев, да и к тому же удовольствием была сама доставка литературы жителям горных районов, которые отчаянно ждали каждого моего появления, ведь эти напечатанные слова на листках бумаги приносили разнообразие в их серые жизни и украшали самые темные ущелья, создавая мир, в котором существовала надежда. Они в этом очень нуждались.

И впервые в жизни я чувствовала свою необходимость.

* * *

– Оставим так. – Засуетился отец, в очередной раз поправляя подложку для свечи, которую он, в конечном счете, поставил на стол перед креслом-качалкой и свободным местом рядом со мной. Надел каску с карбидной лампой и повернулся в сторону темного леса на другом берегу ручья, проходящего через наши владения.

Снег падал большими толстыми хлопьями.

– Уверен, он появится с минуты на минуту.

Иногда мой жених вовсе не приходил. Я надеялась, что сегодня как раз такой случай.

– Пойду, пожалуй. – Он бросил спичечный коробок в поддон подсвечника и взглянул на свечу, уже в последний раз.

– Прошу, Па. Я не хочу выходить замуж, – шептала я, отчаянно схватившись за его плечо.

– Что с тобой не так? Нельзя отрицать естественный закон Всевышнего.

Я взяла его ладонь и вложила в это прикосновение тихую просьбу о помощи.

– Плевать на сон. Утром съезжу к нему в ущелье и обо всем договорюсь, – добавил он, одернув свою руку от моей синей.

Я открыла рот в знак протеста, но в ответ отец просто шикнул, поднеся указательный палец к своим губам.

– В этих суровых краях девушке не справиться в одиночку. Даже мужчине тяжело приходится. – Па потянулся за острой лопатой стрелообразной формы, на полотне которой был искусно выведен медведь. – Я рою себе могилу с самого первого дня, когда пришел в шахту. Вторую такую же копать совсем не хочется. – Он ударил лопатой по деревянному полу. – Брак нужен для того, чтобы о тебе мог позаботиться муж, когда я уже буду не в состоянии это сделать.

Па застегнул пальто, взял с пола жестяную банку с обедом и поскакал на ночную смену.

Под тихое ржание лошади я повернулась в сторону шуршащих деревьев, стараясь услышать песню лепечущих вод нашего ручья. Скоро появится жених.

Всматриваясь вдаль, я облокотилась на деревянные перила, и когда огонек от лампы отца уже исчез из виду, выпрямилась, поправила деревянный стержень подсвечой и опустила фитиль до места, где воск соприкоснется со старой спиралью подсвечника всего через несколько минут, тем самым давая сигнал запоздавшему ухажеру, что уже пора уходить домой.

Поднимая руки, я заметила, как они становятся зеленовато-голубого цвета.

Глава 2

Едва прошла очередная серая неделя, как Па уже привел на крыльцо нового ухажера. Мужчина не спеша слез с мула и привязал его к дереву. Очередной голодный тролль, от которого нужно как-то сбежать.

Я стала загигать пальцы, припоминая, сколько женихов, просивших моей руки, успело заявиться к нам за последнее время. Оказалось, их было больше дюжины, если не считать тех, кто, передумав, повернул обратно еще у опушки леса.

Увидев, как он, переваливаясь с боку на бок, поднимался по ступенькам, мне захотелось поскорее дожечь свечу и проводить его восвояси.

Нашупав коробок, я достала спичку. После приезда потенциального жениха щепетильная обязанность по зажиганию свечи всегда отводилась мне, которую я выполняла, когда он занимал отведенное ему место.

Хьюитт Хартман плюхнулся в кресло-качалку, чуть не сломав сиденье, пока я зажигала короткий фитиль. Сгорбившись над дряблым животом, он, теребя в руках шляпу, смочил слюной широкие десны, между которых торчал язык с болезненным налетом, и представился, пробормотав себе что-то под нос, но я так ничего и не поняла. Опустив взгляд вниз на колени, он попросил принести документ на право владения землей.

Я молча сходила в дом за нужной бумагой и положила ее у свечи. Проблеск радости на лице мистера Хартмана заставил меня сплести руки за спиной и вжаться в перила. Взгляд застыл на дрожащем языке пламени и медленно тающем воске.

Читая документ, он несколько раз что-то проворчал. Приданое в десять акров земли было более чем щедрым предложением. Территорию можно было расчистить для ведения сельского хозяйства, заготовки бревен или, на крайний случай, попросту продать. Но из-за другого склада ума Па и в голову не приходили подобные мысли, к тому же он никогда не хотел иметь соседей, а может, ему не хватало денег на реализацию своих идей. Однако с ухудшением самочувствия вопрос о моем браке все сильнее его беспокоил, поэтому он стал думать в других направлениях.

Мистер Хартман склонился к слабому огню, внимательно изучая принесенный сертификат, залитый желтым светом, и в его пустых глазах промелькнула искра алчности. Он украдкой взглянул на мое лицо, затем на бумагу, и еще раз – на меня. Спускаясь ниже по странице, он тыкал пальцем по старому документу и облизывал губы, наслаждаясь написанным. И снова обрушил на меня свой тяжелый взгляд.

Наконец он, откашлявшись, поднялся и выплюнул за перила щепотку табака: коричневая слюна украшала его нижнюю губу вместе с мелкими каплями, покрывшими подбородок.

Хартман поднял свечу и подвинул ее к моему лицу. Съежившись от страха, он бросил документ и с одного большого вдоха сдул пламя. – Даже целый штат этого не стоит, – проговорил он хриплым, тухлявым голосом, выдыхая струю воздуха, перебившую черный дым и мое дыхание.

* * *

Спустя несколько дней отец опять доставал свечу, задирая фитиль таким образом, чтобы она горела как можно дольше. После трех женихов к концу января он понял, что больше не придется это делать.

После полудня на крыльце нашего дома появился мужчина. Он внимательно прочитал документ, молча поправил жидкие волосы и нервно поглядывал на пламя свечи, несколько раз

сменив позу и похлопав дряблой поношенной шляпой о грязные штаны, из которых каждый раз поднимался новый шлейф вони. После двух свиданий с этим женихом в конце января Па дал благословение и подписал сертификат передачи земли, потушив мою последнюю свечу. Старый сквайр вскочил с места, схватив бумагу. Избегая лица, он с вожделием рассматривал мое тело, задержавшись на груди. Складывалось впечатление, будто я была для него очередным товаром.

– Но я не хочу замуж, – обронила я, вцепившись от страха в Па, – я хочу остаться с тобой, – и перевела взгляд на старика, ждущего во дворе. Он смотрел на меня и хлопал шляпой по ноге, от возбуждения ускоряя темп и силу удара.

– Доченька моя, – обратился ко мне отец, приподняв своей мозолистой рукой мой подбородок, – ты обязана выбрать мужчину и жить полной жизнью. Безопасной. – Отвернувшись, он с трудом сделал глубокий вдох и откашлялся несколько раз. – Ты *обязана*. Я должен быть уверен, что после своей смерти не оставлю тебя в одиночестве. Я должен сдержать обещание, данное маме. – Его измученные легкие хрипели, он снова откашлялся: все-таки работа с углем давала о себе знать.

– У меня есть книги!

– Не будь глупой, – мрачно возразил он осипшим голосом.

– У меня отберут маршрут, моих читателей. Пожалуйста, я не могу их потерять, – я трясла его, вцепившись в плечо. – Пожалуйста, только не он.

– Ты будешь жить в большой старинной семье Фрейзеров. У этого клана родня разбросана по всей окрестности.

– Но ведь он приходится родственником пастору Вестеру Фрейзеру, – я сдавила ладонью грудь, из которой вот-вот выпрыгнуло бы сердце от одной только мысли о нем, его голодной общине и их ужасных крестильных водах, протекающих ниже залива. – Па, ты же знаешь, что делает пастор с такими как мы, что он уже сделал.

– Он не водится с такими людьми, и он дал мне слово защищать тебя. Уже поздно. Мне пора. Я должен загрузить сегодня несколько машин, иначе меня уволят из Компании. Иди к новой семье, – нехотя торопил отец, положив руку мне на плечо и покачав головой.

Я посмотрела на мужчину во дворе: он крутил обмякшую шляпу, похожую на блин, и сворачивал старую подписанную бумагу о землевладении Картеров, нервно переминаясь с одной короткой мускулистой ноги на другую, его мелкие глаза были устремлены в пространство между нами с отцом и костлявым мулом, мечтающим поскорей уйти отсюда. Зимний ветер свирепствовал у кромки леса, порывами сотрясая ветки и поднимая остатки жидких седых волос жениха.

– Но, Па, пожалуйста... я... боюсь его, – не найдя носовой платок, я вытерла нос о рукав пальто.

– У тебя будет имя мистера Фрейзера. Он обеспечит тебя кровом и едой.

– Но у меня уже есть имя! И *никакое* другое мне не нужно! Меня зовут *книжная дама*.

В глазах Па было видно смятение. Лицо сморщилось. Он явно не хотел меня отпускать и в то же время боялся остановить. Я была напугана не меньше него самого, но самое страшное меня ждало во дворе.

– Прошу, Па. Ты же знаешь, как мама любила книги и пыталась привить это и мне. – *Мама*. Из-за ее отсутствия у меня защемило сердце. Я отчаянно нуждалась в ее успокаивающих объятиях.

– Мама хотела, чтобы ты была в безопасности.

Защищаясь от пронизывающего холода, Фрейзер пододвинулся к мулу, втянув голову в плечи.

– Он не вызывает у меня доверия и пугает своей уродливостью. – Наш старый дом заскрипел: будто бы кряхтя в знак солидарности, он пытался прогнать жениха. – А еще он не моется...

А его штаны... они такие твердые, что могут смело стоять в углу. Я не хочу замуж. Па, прошу тебя. Я не хочу оставаться с ним наедине.

– Я бы выдал тебя как надо, даже закатил бы пирушку, но Компания не дает шахтерам второго выходного за целый месяц, кроме похорон и увольнений. Утром я арендую старую лошадь мистера Мерфи и перевезу твой сундук. Хорошенько освойся там. Не бойся. Он отвезет тебя к священнику, и уже к вечеру ты станешь миссис Чарли Фрейзер. Иди к будущему мужу. Давай, уже поздно, – Па взмахнул рукой. – Не заставляй его ждать.

Его слова упали мне в уши, словно тяжелые глыбы, рухнувшие на грудь.

Па отдал мне чистый платок, постиранный мной этим утром.

Я скомкала его во влажном, трясущемся кулаке и от большого напряжения то разглаживала, то снова сжимала его.

Отец направился к дому и, взявшись за защелку, остановился у порога. – Теперь ты принадлежишь Чарли Фрейзеру, – сказал он, опустив плечи.

– Я принадлежу этому дому и своей работе! Не забирай у меня книги. Пожалуйста... Па, не отдавай меня, – я встала на колени, протянув руки к небу. – Позволь мне остаться, – шептала я охрипшим голосом. – Прошу тебя. *Па?* Господь Всемогуший, умоляю...

Дверь плотно закрылась, а за ней остались мои мольбы о помощи и луч надежды. Я хотела убежать, загнать себя в темные, мерзкие, холодные земли штата Кентукки и безвозвратно исчезнуть в них.

Прижав сложенный платок ко рту, я заметила, как от страданий моя рука покрылась темно-синим цветом.

* * *

Он покраснел как помидор.

Прикосновения были хуже укуса змеи. По крайней мере, складывалось такое впечатление, когда мой шестидесятидвухлетний муж, Чарли Фрейзер, впервые попробовал испустить пламенное семя прямо в меня. Сопrotивляясь, я выбила подушку, которой он накрыл мою голову.

– Тише, – прошипел он. – Успокойся, синий дьявол. Не хочу видеть твое мертвецкое лицо. – Будто защищаясь, он начал входить в меня, зажав рукой мой рот и глаза.

Под таким напором я изгибалась как могла, кусалась и царапалась, задыхаясь от страха и ярости, топором висящих в воздухе.

Он барабанил по животу, щипал за грудь и бил по голове до полного изнеможения.

Когда он вошел во второй раз, седые волосы упали на его розовую морду похотливого кобеля.

Я очнулась, лежа на холодном грязном полу. Неподалеку послышался чей-то голос, но мне не удалось выдавить из себя ни слова. Принесли одеяло, и снова наступила беспросветная тьма, которую рассеял уже другой голос.

Пытаясь поднять веки, я кое-как открыла наполовину только один глаз и с большим трудом распознала лицо отца.

– Па-а, – выдавила я из глотки, протянув руку, и от прилива сильной боли закричала, успокаивая опухшую руку.

– Доченька, не шевелись, – он приподнял мою голову и поднес ко рту кружку. – Выпей. – Часть губы разнесло до носа, из которого что-то текло до самого подбородка. Па вытер лицо рукавом пальто, слегка наклонил кружку и снова дал мне отпить. Я закашляла от вкуса виски и слюны, чувствуя, как все тело пронзали тысячи языков пламени, сжигая нежные десны и разбитые губы.

Появилась другая боль, жгущая и режущая как нож. Оттолкнув отца, я сделала вдох, поднесла к уху руку и увидела липкую кровь, стекшую из барабанной перепонки на ладонь.

– Подержи его пару минут и постарайся все выпить, – сказал Па, прижав моей рукой к уху платок, и снова поднес ко рту кружку с ликером, из которой я сделала большой глоток.

– Хорошо. Давай еще немного. Это поможет. – Когда я закончила, он отложил в сторону кружку и аккуратно обнял меня, нежно поглаживая по волосам.

– Мама, – простонала я, протиснув руку между его плечом и своим ухом, давящими движениями пытаюсь унять острую боль. – *Я хочу к маме.*

– Тише, я тут, дочка, – качнулся он. – Со мной доктор. Мы отвезем тебя домой.

– Доктор? – прищурившись, я увидела мужчину, стоящего у изголовья провисшего брачного ложа.

– С тобой все будет хорошо, а вот его «мотору» не позавидуешь, – заключил горный врач, накрывая Фрейзера тонкой фланелевой простыней, после чего принялся рассматривать мои сломанные кости.

Па закопал мужа во дворе под высокой сосной вместе с моей свечой для свиданий.

Глава 3

В промежутке между первым проникновением и началом весны у меня срослись кости и остались три вещи: любимая работа в Конной библиотечной службе, старый мул по кличке Юния и следы спермы Чарльза Фрейзера. Не прошло и недели, как я остановила зловещее распространение его семени, выпив чаю с пижмой на сухих травах, которые мама хранила в подвале.

Свежий утренний ветер щипал лицо, заставив опустить подбородок в непромокаемый плащ и слегка подтолкнуть мула вперед к дому нашего первого читателя. Еще до восхода солнца мы начали переходить туманный залив, темные воды которого покусывали запястья животного, от возбуждения наострившего уши. Поздние апрельские ветры плутали в острых зазубренных листьях оксидендрумов, дразня и расчесывая короткую седую гриву мула. За заливом лежали горы, распустились нежные зеленые листья галакса в форме сердца и рос плющ, прорывающийся сквозь заброшенные лесные могилы и многовековые бугристые корни, покрытые остатками иссушенных листьев светло-коричневого цвета, рассыпавшихся по плодородной почве.

Услышав всплеск, Юния замерла посередине реки, и то ли заржала, то ли всхрипнула от страха.

– Тише, девочка моя, – увидев лягушку, успокаивала я и гладила мула по гриве, – Тише. Успокойся.

От недоумения испуганный зверь вилял хвостом, смотря на деревья и дорогу, ведущую к дому Фрейзера. – Спокойней, Юния. Мы же на книжном маршруте. – Я натянула поводья в левую сторону, чтобы она не поворачивала голову вправо и не вспоминала его.

Этот мул стал моим наследством, а больше у Фрейзера ничего не было, кроме мелочи в три доллара, черной как смола плевательницы и собственного имени. До замужества я, как и большинство других книжных дам, брала мула в аренду у конюшни мистера Мерфи, платя по пятьдесят центов в неделю. Для таких маршрутов хорошо подходила его лошадь или маленький ослик, но у меня рука не поднималась оставить умирать бедное создание, привязанное к дереву.

Шерсть была залита кровью, из открытых ран виднелась плоть, свисающая к промерзшей земле. Но по одному взгляду на зверя мне стало ясно, что она обязательно выживет, и никакие тяжелые удары с глубокими укусами не сломят ее волю. Эти карие глаза говорили, что вместе мы со всем справимся.

– Она проблемная. Ломаного гроша не стоит. Продай ее! Коню хоть можно приказывать, а осла просить. Лошади с радостью выполняют все твои поручения. Они лучше служат. А что мул? Это просто чертово недоразумение. Особенно вот с этой упрямой скотиной, – ругался Па, указывая пальцем на Юнию, – с ней ты найдешь себе приключений на одно место. Ей самое место в шахте, – отвернувшись, продолжал ворчать отец.

Я спорила с ним на повышенных тонах. А все дело в том, что если с вечера никто не работал в шахте, то приходилось *приносить жертву*. Боясь скопившегося газа, люди с первым лучом солнца отправляли внутрь мула, привязав к нему свечу или карбидную лампу. Если не было слышно взрыва, не видно дыма или несущегося из шахты животного, обьятого пламенем, то только тогда шахтеры понимали, что можно заходить и работать.

С большой неохотой, но Па все-таки разрешил мне привести домой пожилую страдальцу. Я купила ей тюбик лечебной мази, старое седло и несколько мягких попон. Ушел целый месяц, чтобы выходить голодного побитого зверя. Еще месяц пришлось ее отучать лягаться и кусаться. Ни Па, ни любой другой мужчина не смели стоять рядом на расстоянии вытянутой ноги, иначе она могла ударить или больно ущипнуть потенциального обидчика своими длин-

ными челюстями. Но несмотря на весь суровый нрав по отношению к сильному полу, я съездила на ней в город, и меня приятно удивило, что с детьми и женщинами она вела себя гораздо послушнее и сговорчивее.

Юния подняла морду, и я проследила за ее взглядом, попутно прислушиваясь к бризу, играющему с моей мочкой. Доктор сказал, что другая половина никогда не заживет, а пока он ни разу не ошибся. Закрыв ладонью нормальное ухо, я по-прежнему слышала шум, исходящий от больного.

– Он больше не причинит нам вреда, моя девочка, – успокаивала я мула, трепля по холке. В поисках еды поперек залива плавала стая индеек с птенцами. – Ну же, мы сейчас на библиотечной службе. – Юния вдохнула ноздрями струю свежего ветра. Я давала ей время понять, что наш книжный маршрут вполне безопасен.

К моему облегчению, она отвела взгляд от дороги к дому Фрейзера и стала двигаться в сторону берега. По понедельникам всегда был длинный маршрут. В другое время записана лишь пара человек, но вот сегодня, в этот и без того насыщенный день, мне достался новый читатель, живущий на вершине семи домов, и при этом нужно еще успеть в школу.

Выйдя на поросший кустарником берег, мы стали взбираться на гору, оставляя позади испуганных белок и кроликов. Подняв морду, Юния заржала, будто вспоминая, а не забыли ли мы проверить дорогу на прошлой неделе, чтобы подготовиться к возвращению в первый день.

Гудки локомотива терялись в горных цепях, идущих на запад, находя пристанище в пещерах, низинах и лесных карманах старого штата Кентукки. Я прониклась мелодией этого звука. Вскоре меня отвлекли пассажиры, сидящие в больших стальных вагонах, проносящихся мимо лесов по величественным горам, у подножий которых протекали километры рек с бесчисленным множеством заливов. Однажды мне приснилось, как в таком поезде ехали одни синие люди. И все похоже на меня. Они путешествовали по стране, открывая для себя новые живописные места.

Юния фыркнула, будто прочитав мои самые потаенные мысли.

– Все возможно, – ответила я мулу. – Где-то могут быть и другие «васильки».

В утреннем свете показался дом Моффитов. Заметив вдалеке девочку, Юния тут же взбодрилась, перейдя на быструю рысь.

Это была первая остановка с января месяца, но, когда я увидела своего читателя, который все это время с нетерпением ждал моего заветного визита, казалось, будто ничего не случилось и никакого перерыва вовсе не было.

Наконец-то пришла весна. Мне удалось пережить удушающую зиму с увядшим супружеским ложем и быстро вернуться к десятилетнему ребенку, с которым мы не виделись с прошлого года. Я прониклась свежим ветром, ощущая духовное единение с книгами, торчащими из вьюков, – другими словами, ко мне возвращалась жизнь. Ударив пятками по бокам мула, я поочередно облизнула десны и перешла на галоп. Вернуться к любимому делу было настоящим бальзамом на душу. И радостью, сопряженной со свободой, отбросив все обиды, жалея ушедшую молодость и несбыточные мечты, растворившиеся в дебрях суровой жизни, суровой земли, суровых мыслях и предрассудках ее жителей.

Глава 4

Шестнадцатилетняя Ангелина Моффит, подперев бока, босиком стояла во дворе. Ее широкое поношенное светло-розовое платье, подобно хитону Иисуса, развеялась на ветру, било складками по ногам, а под тонким дырявым домашним халатом трещал подол. На ее лице отчетливо виднелось беспокойство.

– Василек! – замахала она мне. – Как вовремя! Уже апрель! Я соскучилась. У тебя новый мул? Как его зовут?

– Юния.

– Какое красивое имя. Иди сюда, Юния. Мой старенький апостолик.

Ангелина, одна из моих самых юных читательниц, напомнила о том случае, когда я читала ей стих 16:7 из Нового Завета «К римлянам», в котором говорилось о Юнии, единственной женщине-апостоле. Те же самые строки читала мне мама, именно поэтому мулу досталось это имя. При первой же поездке мне в глаза бросилась смышленность животного, когда она замерла на месте, учуяв впереди опасность. Этот полутораметровый защитник и пророк уже спасал меня от рыси и стаи бродячих собак, а совсем недавно не позволил упасть на скользком склоне, который мог обвалиться под ногами в любую секунду.

Моя предусмотрительная девочка, не торопясь, дала мне время осмотреться и заметить рысь, чтобы та ускользнула от нас, еще она услышала собак на запредельном для человеческого уха расстоянии и спряталась в укрытие, до которого они не могли бы добраться. Кроме того, она напрочь отказалась взбираться на замшелый склон, вынудив меня слезть и увидеть проблему собственными глазами, в результате чего я осталась в дураках, приземлившись на пятую точку после неудачной попытки подняться наверх. Юния не была капризной, как моя старая лошадь, и, к тому же, могла везде пройти, в отличие от осла. Ее не пугали проблемы, и при необходимости она всегда была готова защищаться или атаковать. В народе говорили, что хороший мул намного лучше обычной лошади, а езда на нем так же надежна, как заряженный дробовик, без которого не выжить в наших опасных краях. Но этого было недостаточно, чтобы убедить в ценности Юнии Па, который, помимо прочего, не доверял ей из-за скверного характера.

Уткнувшись носом в плечо Ангелины, Юния тут же подружилась с ней, позволив девочке взяться за поводья и привязать их к высокому пню, покрытому грибами-трутовиками.

– Она здесь! Книжная дама привезла книжки! – закричала Ангелина, повернувшись к дому.

Я слезла с мула и стала копаться во выюке.

– Прости, что так долго. Была зима, и... – пришлось погасить невысказанные слова в воздухе, чтобы не вспоминать о том браке.

– Слыхала. Это неважно. Главное, что ты здесь сейчас. Я скучала по тебе, – тактично ответила Ангелина, сменив тему разговора.

Мне было интересно, что именно она знала. Отдав Ангелине «*Букварь для детей*», я почувствовала, как лицо заливается синей краской. Она прижала книгу к груди и нежно промурчала «спасибо».

– «*Популярная механика*» для мистера Моффита, – сказала я, еще немного покопавшись в сумке и вытащив церковную брошюру с журналом.

– *По-пу-ляр-ная ме-ха-ни-ка*, – читала Ангелина по слогам, ведя грязным ногтем по обложке, которая привлекла ее внимание. – Это же дирижабль. Никогда таких не встречала, но муж клянется, что видел одну из таких штуковин, парящей над горами. Он увидел ее прямо над собой, резко вскочил и упал на землю от страха, – шептала Ангелина, от испуга уставившись в небо.

Я тоже ничего подобного не видела, но верила ей на слово.

– А еще, – она покрутила указательным пальцем, – я знаю, что жена президента прилетела на одном из таких дирижаблей к нам в Кентукки.

Теперь мы обе смотрели на небо, пытаясь представить Элеонору Рузвельт, сидящую в сером брюхе машины, перелетающей горы.

– Трудно поверить, что люди могут добраться до наших краев такими путями, – говорила Ангелина. Едва дыша, она сделала из рук бинокль и сквозь него изучала небеса. – Скоро людям не понадобятся мулы и даже собственные ноги. За них все будут делать большие машины.

Она просунула свою руку под мою, и я замерла в полном оцепенении. Еще ни один белый человек так нежно не прикасался ко мне. Никто, кроме Ангелины. Но сколько бы раз она ни трогала меня за руку, внутри я ощущала дискомфорт и аккуратно одергивала себя, веря в то, что могу наслать на нее проклятие.

При этом мне нравились ее ласковые прикосновения, заставлявшие с тоской вспоминать о маме и мечтать о сестренке или даже о собственном ребенке. Хотя бы самую малость. Но мне не суждено иметь детей, как не суждено иметь и второго мужа. Не дай бог, молва о случившемся распространится по всей окрестности, уверена, тогда местные тут же пустили бы слух, мол, от моего цвета кожи каким-то непостижимым образом сыграл в ящик Фрейзер, будто Синяя дьяволица убила собственного мужчину, прямо на брачном ложе. Хотя я называла это благословением. Отныне никто не просил моей руки и не вынуждал снова выходить замуж. Дыхание замедлилось, и даже малейший проблеск облегчения только подтверждал мои догадки.

– Дирижабли и поезда, – говорила я Ангелине, а внутри все съеживалось от этой и других, еще более темных мыслей, которые поскорее старалась выбросить из головы.

– Мир становится все больше и больше. А мы только уменьшаемся, – едва могла шептать Ангелина. – Он растет слишком быстро. Не успеваешь всего увидеть. Мы вообще ничего не видим. – Она опустила голову и копнула пальцами ног землю, будто бы собираясь корнем врасти в нее.

– Да, все меняется. – Справедливости ради отмечу, что эти перемены дали мне надежду, что однажды на большой громкой машине приедет человек, такой же, как я. – Пора идти к мистеру Моффиту.

– Он будет рад увидеть тебя, Василек. Он пока не встает с постели. Все-таки прострелена нога. – На щеках Ангелины появился румянец.

Юла Фостер как-то рассказывала мне о том случае, когда мистер Моффит попался на краже чужой курицы.

– Может, новая книжка облегчит его страдания, – понадеялась я.

С ухмылкой на лице она снова взяла меня за руку и повела по каменным ступенькам на крыльцо. В этот раз я всем сердцем наслаждалась ее сестринской заботой, о которой можно было только мечтать.

Я наклонилась, проходя мимо старого осинового гнезда, висящего под прогнувшимся карнизом. Увидев нас внутри крохотной хижины, мышь тут же метнулась под черную пузатую печку, внутри которой догорали тлеющие остатки пня с корнями. Дневной свет просачивался сквозь отклеившуюся бумажную драпировку, украшавшую стены, выгоняя тени из самых потаенных углов дома.

Сверху чугунной «толстобрюшки» грелась кастрюля с диким луком и репой, источавшими вонь, заполонившую всю комнату. На заплесневелых стенах висели пожелтевшие газеты, страницы которых были исписаны Ангелиной.

– На-ка, садись, – обратилась она ко мне, притащив от печки с большим трудом, судя по скрипу провисших сосновых досок, старое пустое жестяное ведро из-под лярда.

Впритык к окну со сколами в виде паутинок был пододвинут грязный рвущийся по швам матрас, набитый пухом и соломой. На нем в полудреме лежал тридцатилетний муж Ангелины, корчившийся от боли. Лицо как шероховатый камень, мешки под глазами. С момента моего последнего визита он еще сильнее похудел. Без доктора рана сама по себе не залечится, а в кармане у них не было ни гроша.

Из-под кровати торчала расколотая ручка топора: наверное, Ангелина положила его туда в надежде на старую примету, гласящую, что железные предметы ограждают от порчи и злых духов.

– Уже понедельник, Вилли. Книжная дама наконец-то вернулась, – сказала Ангелина мужу, осторожно тряхнув его за плечо. – Вот она.

Он скорчил гримасу.

– Я принесла вам *«Популярную механику»*.

– Не думал, что ты вернешься, вдова Фрейзер, – он взглянул на меня, прищурившись.

– Да, сэр, это книжная дама. Я вернулась на работу. – Внутри все съежилось от мысли о новом семейном положении, когда вспомнила, как буквально на прошлой неделе по возвращении в Центр меня встретила Юла Фостер, и, скрестив руки, «присвоила» это звание. В ее отрывистом приветствии чувствовалась смесь разочарования и омерзения. От безнадёги в животе все скрутилось тугим узлом, и ничего не оставалось делать, как молча опустить глаза, чтобы, не привести господь, не увидеть отвращение на ее лице.

Мистер Моффит кивнул головой в сторону ведра, приглашая меня присесть, пока Ангелина натягивала потертое одеяло малинового цвета ближе к его подбородку.

Расправив покрывало, она еще сильнее укутала мужа, и, довольная результатом, закрыла за собой дверь.

Пододвинув ведро к его кровати, я села и, держа журнал прямо перед своим лицом, открыла ему первую страницу. Он повернулся к окну.

Мы делали так для взаимного удобства. Мистеру Моффиту не приходилось пялиться на меня, а я не переживала за возможный дискомфорт, который могла бы ему причинить. Мы не подвели друг друга, понимая, что у каждого есть свои недостатки, и не все они связаны с цветом кожи.

Пока мистер Моффит тянул на себя одеяло, я увидела то, чего никогда раньше не замечала: его ногти имели странный оттенок, обычный для меня, Василька, но нетипичный для белых людей.

Абсолютно все его ногти были бледно-голубыми.

Сначала я посмотрела на свои руки – почти та же синева. Затем, будто измеряя мистера Моффита в пространстве, мельком взглянула на его лицо и уши – белые, как молочные зубы младенца, – и потом снова на ногти.

У изножья кровати из-под одеял торчал палец – его я раньше не видела. Оказывается, он не совсем белый. Скорее походил на растущую в горах двухцветную коллинзию, которой природа даровала ало-голубой оттенок с одной стороны и белый с другой. *Василек*. Я запуталась.

Давным-давно мама рассказывала, как у кого-то родились дети с такой кожей. Но в юности они этим «переболели». У этих «васильков» отличались только ногти на руках и ногах, которые они без особого труда прятали в варежках и носках, дабы избежать проблем.

Интересно, был ли мистер Моффит одним из них, или же это все из-за пулевой раны, ослабившей его здоровье.

– Готово, – закончил он, слегка повернувшись на бок с закрытыми глазами.

– Да, мистер Моффит. Это интересная статья.

Он снова повернул голову к окну.

– «Как работают наши дирижабли», – начала я. Мистера Моффита никогда не учили грамоте, поэтому приходилось читать ему по несколько страниц. – Двигатель дирижабля состоит из...

Прочитав на пять минут больше обычного и, увидев спящего мистера Моффита, аккуратно положила журнал у изголовья. Он посмотрит картинки и вернет его в следующий раз в обмен на другой.

Во дворе Ангелина показывала мне слова, которые начертила в грязи палкой.

– Ты научила меня хорошим вещам. Смотри. *Сад. Лошадь. Дом. Ангелина*, – с гордостью прочитала она и отдала сказку «*О маленькой красной курочке*», которую брала в декабре. – Мне жаль, Василек. Она немного поистрепалась: Вилли случайно наступил на обложку и пнул куда подальше. Я рада, что ты вернулась. Он кричал на меня, потому что я не могла почитать ему. И все время ворчал, мол, я должна читать намного лучше какого-то Василька. Прости. – Она взяла меня за руку, придав извинениям форму крепкой хватки. Я опустила взгляд, посмотрев на нас со стороны, сплоченных любовью и дружбой, и попыталась высвободиться, но Ангелина лишь сильнее сжала мою руку. – Это же не больно, прошептала она. – Не важно, что мы разного цвета. Ведь нам же приятно, да?

Она была права. Но мистеру Моффиту не нравились люди с другим цветом кожи. Раньше он запрещал мне входить в дом. Но тоска по напечатанным буквам вскоре смягчила нрав, вынудив его впускать меня внутрь для того, чтобы я читала ему, сидя за маленьким деревянным столом, – до такой степени он отчаялся, надеясь, что книги помогут сбегать от страданий и той нищеты, которая не позволяла наесться досыта и сэкономить пару монет, чтобы купить пули и подстрелить, например, кролика, а сейчас, вдобавок ко всему, страдания вызывал еще и яд из раны, постепенно уходящий все глубже, отравляя весь организм.

Все читалось по его лицу и костлявым осунувшимся плечам, – он уже давно оставил надежду, каждый день желая, чтобы эта ночь стала последней. Ангелина никак не могла помочь, ведь любая ее попытка вызывала только еще большее раздражение.

– Иногда он так злится, что мне становится очень страшно. Это так мерзко. Он то и дело постоянно рычит как разъяренный медведь, – жаловалась она, увидев в моих глазах беспокойство.

Я высвободилась от хватки Ангелины и стала рассматривать корешок книги, которую она обменяла на новую.

– Надеюсь, мисс Харриетт и мисс Юла не будут сильно ругаться.

– Главное, чтобы все рваные страницы можно было склеить. – Я убрала книжку в сумку. Наша переплетчица и помощница инспектора Харриетт Хардин остро реагировала на подобные вещи, они по-настоящему выводили ее из себя. В такие моменты даже у заведующей библиотеки Юлы Фостер сжимались губы от страха.

Поэтому преступлением считалось оставить книгу в таком состоянии, если учесть повышенный спрос на литературу и ее скудное количество, в общем и целом.

– Передай миссис Моффит, что правительство платит конным библиотекарям жалование. Но больше ничего не дает. У нас мало книг и нет денег, чтобы купить новые. Если она не желает бережно относиться к библиотечной литературе, то я вычту стоимость ремонта из *твоей* зарплаты и вычеркну ее из маршрута! – сморщив нос, предупреждала меня Харриетт, когда я последний раз принесла в библиотеку потрепанную книгу.

Правительство ничего не предоставляло Конной библиотечной службе. Мы все получали с пожертвований от крупных библиотек, больших и мелких городов, женских клубов, Ассоциации родителей и учителей и даже от отрядов бойскаутов, члены которых жили по всему штату Кентукки и Огайо.

Большинство присланных книг было порванным старьем. Государство даже не выделило место для их хранения, сортировки и реставрации. Хорошо, что почтовый офис Беспокойного ручья дал нам свою подсобку под эти нужды.

– Надеюсь, это можно починить, – обеспокоенно прошептала Ангелина.

– Попробую дома, – улыбнулась я.

– Это больше не повторится, – робко сказала Ангелина, держа в руках новую книгу. – Почитаешь мне перед отъездом?

Ангелина умела читать без ошибок. Я видела в ее глазах сильное желание к чтению и письму. Закончив с книгой, она вытащила из кармана усохшую половинку моркови и взглянула на меня, ожидая получить разрешение. – Это для Юнии.

Услышав свое имя, она тут же наострила уши.

Подобно уродливым листьям рейнтурии, человеческое отчаяние всей страны глубоко корнями сидело у нас в Кентукки, пожирая жизненную энергию и ставя людей на грань вымирания. Мне не хотелось отбирать у Ангелины последние крохи, за счет которых они старались выжить. Но в то же время я боялась ответить отказом на ее вежливую просьбу.

По другую сторону двора рядами валялись кукурузные стебли, которые в прошлом году разбросала Ангелина, пытаясь вырастить хоть какой-нибудь урожай на бледной глине и разреженном воздухе. Сзади располагался крохотный, как почтовая марка, огород с ростками моркови, свеклы и репы, борющимися за выживание против сорняков, шиповника и дикого лука. А еще дальше большими кустами росла горчица.

– Спасибо. Юния тебе премного благодарна. – Ангелина кормила двадцатилетнего серого мула, полагаясь на его сообразительность, что в следующий раз он с еще большим удовольствием привезет меня сюда. В поисках моркови несносная Юния сунула морду в карман девочки.

– Можешь передать это доктору? Хочу, чтобы он приехал к Вилли. Там двенадцать семян «Кровавого мясника». Они достались мне от бабушки, – попросила Ангелина и вместо заветной моркови достала крошечный сверток, который сунула в руку, сжав мои пальцы вокруг него.

Не уверена, что доктор согласится на кукурузу. Его визит обойдется минимум в четыре доллара, поскольку он живет в трех часах езды на лошади или муле.

– У него все сильнее болит нога, и ногти стали синеть. Я не хочу его хоронить, особенно сейчас, с ребенком, – добавила она.

– Ребенок?

– Да, уже этим летом.

– Так скоро? – я окинула взглядом ее тощее тело, упругие скулы и бледные глаза, под которыми залегли голубоватые тени, и задумалась, как она вообще способна переносить все тяготы беременности. Наша прожорливая страна высосала из Ангелины все соки.

С таким мягким характером, тонкими чертами лица в форме сердца и длинными светло-желтыми волосами ей лучше бы жить в больших комфортных городах, о которых пишут в книжках. Но при этом, несмотря на внешний вид, я знала, что она работала не меньше двух упитанных местных баб и переносила нагрузки не хуже ломовой лошади. И тем не менее, я переживала, вдруг на рождение ребенка Ангелине не хватит сил, которые отнимет у нее жизнь в этих старых горах.

– Все случится 18 июля. Я считала, – сказала она.

– Это... хм... – все возможные слова поддержки иссохли у меня на языке. – Я отвезу семена.

– Я уже определилась с именем. Хочешь узнать? – спросила Ангелина, взяв в руки палку. От удивления и любопытства я еле выдавила из себя «да».

Она села на корточки и принялась аккуратно выводить на грязи имя ребенка, проговаривая каждую букву и звук. Затем встала и ткнула палкой в получившуюся надпись: «ХАНИ».

– Я заварила себе чай и обо всем узнала от листьев. Они нагадали мне девочку. Хочу, чтобы она была такой же милой, как это имя, – рассказывала Ангелина, поглаживая крошечный живот.

– Хани. Красивое имя, – отреагировала я, вспомнив о милом характере Ангелины.

– Но Вилли не нравится. Он говорит, что это имя носят цветные люди, – она отряхнула запылившиеся юбки и уставилась на горизонт, будто считая закаты, оставшиеся до рождения дочери. Ее лицо сковала усталость и разочарование. – Вилли обещал сводить меня этим летом на музыкальный фестиваль, послушать скрипачей. Теперь о танцах можно позабыть.

Встряхнув юбки, Ангелина положила одну костлявую руку на живот, а другой, сжав в кулак, протерла глаза.

– Такая вот я. Обрюхаченная почти в шестнадцать лет девчушка, которая вот-вот помрет, сидя на одних семенах. И при этом она ни разу по-настоящему не танцевала джигу.

– Тебе не нужен фестиваль или роскошная скрипка. Танцы бесплатны как дождь. Просто начни, – успокаивала я Ангелину, подняв руку.

– Я знаю кучу песен. Под некоторые даже умею танцевать, – с энтузиазмом подхватила она эту идею, запев старую веселую балладу. Она крутилась и смеялась, наполняя пространство своим милым музыкальным голосом.

– Ты хорошо поешь, – отметила я.

– А могу еще лучше, – ответила Ангелина и снова закружилась в танце, распевая уже другую смешную балладу. Она заметила, как у меня затопали в такт ноги и захлопали руки по юбкам. Складывалось впечатление, будто конечности двигаются сами по себе. Заметив это, я тут же одернулась из страха выставить себя на посмеище.

– Передай доктору, что эти семена от Минни. Пусть земля ей будет пухом. И ее кукурузе... Они стоят как два его визита, если переводить на деньги. Нет, даже целых три, – сказала Ангелина, закончив петь.

В этот момент ее переполняла гордость, ведь она думала, будто отдала нечто большое, как Луна, и ценное, как манна небесная.

– Я поеду в город в мае и уже тогда передам их, – обещала я, положив семена в карман.

– Можешь отдать их Джексону.

Я посмотрела на нее с недоумением.

– Джексон Лаветт, – повторила она. – Давно его не видела, хотя он уже точно дома. Живет на старой ферме Джентри, но со слов Вилли, всегда приезжает в город за продуктами. Разве его нет у тебя в маршруте?

– Мистер Лаветт? – я прикоснулась к выюкам, внезапно вспомнив о новой остановке сегодня, но кроме того, что это *очередной* читатель-мужчина, которого добавила Юла Фостер в мой и без того длинный маршрут, мне ничего не было известно.

– Слышала, что он построил плотину для президента, – прищурившись, хвасталась Ангелина полученной информацией.

– Плотина Гувера, – добавила я с восхищением, вспоминая журнальные статьи о ней.

– ПЛО-ТИ-НА, – проговаривала она по слогам. – Будь осторожна по дороге домой, Юния. Она почесала мула за ушами, украдкой взглянув на меня пару раз. – Я в курсе новостей. Слышала о той книжной даме, потерявшей управление. Она пыталась пересечь Преисполненный ручей. Пришлось даже оставить лошадь в снегу и... В общем, не самая лучшая смерть для животного.

Я задумалась, откуда она узнала о том случае с Агнес, но потом вспомнила, как в декабре видела мистера Моффита около Центра. А может, новости пришли вместе с почтой, которую разносили по горам каждые две недели? Хотя мне на глаза никогда не попадались письма у них в доме. Да и в этих окрестностях больше никого не бывало кроме меня, почтальона и

доктора, который появлялся лишь тогда, когда пациенту не помогала домашняя настойка и он мог позволить себе услуги врача.

– У Вилли когда-то жила там родня. И у меня тоже, – объясняла Ангелина. – Хотя мы никогда не виделись.

Преисполненный, ручей или попросту Преисподняя, как его окрестил старый пастор еще двадцать лет назад. Теперь в народе так и кличут этот городишко, слава о котором распространилась на целых два округа. А все дело в крутых каменистых покатах и изворотливых дявольских дорогах, представляющих один из самых сложных книжных маршрутов для конных библиотекарей.

Старый конь Агнес по кличке Джонни Мозес сломал ногу у самого устья ручья. Ей пришлось оставить животное умирать на снегу, забрав с собой все книжки из толстой корзины. Она остановилась в хижине у Бакстера, попросив его избавить от мучений бедное создание. В любом случае он рано или поздно нашел бы применение каждому грамму и сантиметру этой туши еще до прихода хозяина.

В результате Агнес преодолела шестнадцать миль, минуя овраги, пещеры, перевалы и опасные тропинки, при этом она не только не пропустила ни одного читателя на своем пути, но и каким-то чудом вернулась домой без единой царапины с учетом двух долгих насыщенных пеших дней.

– Никогда не бывала в Преисполненном ручье, – продолжала Ангелина. – Большинство родственников у меня из Коровьего ручья. Я тоже там родилась и встретила Вилли, – ее лицо озарила нежная улыбка. – Но бабушка рассказывала, что какая-то часть родни осела в горах Преисподней.

Мы говорили еще пару минут, пока Юния не заржала, стряхнув руку, которой я обеспокоенно расчесывала ее гриву.

– Увидимся в понедельник, – попрощалась Ангелина.

– Тише, девочка, – успокаивала я мула, замахав рукой в ответ.

Ангелина взяла палку, протащила ее по грязи и замерла на месте. Где-то играла убаюкивающая песнь, вызывающая к длинному дню. – Слышишь?

Я стала прислушиваться. Издалека доносился скрипучий свист кукушки. Птица снова запела, потом еще раз, уже дольше, пока я искала глазами дождливые тучи. Но небо было *ярко-голубого цвета*.

– Целых три раза, – взволнованно сказала Ангелина.

Жители гор верили, что пение кукушки предвещает смерть. Глаза Ангелины судорожно бегали, пытаясь встретиться с моими, в ее взгляде я увидела, который вселила та птица своим пением. Снова раздался траурный свист.

Глава 5

Позабыв о пении кукушки, я отправилась к следующему читателю, думая о ране мистера Моффита и его будущем ребенке.

Я с легкостью могла оказаться на месте Ангелины, ведь в те тяжелые времена шансы забеременеть от мерзкого Фрейзера и родить ему очередного «василька» были очень велики. От этих мыслей меня бросило в дрожь.

Втянув голову в плечи, я сжала коленями круп Юнии и стала насвистывать веселую мелодию, чтобы хоть как-то развеяться и позабыть волнение, охватившее меня у семейства Моффитов.

Юния остановилась у входа в лес, наострив уши. Спустя какое-то время мне все же удалось уговорить ее идти дальше. В чаще нас ожидала темная земля, покрытая листьями, трухлявые бревна и мох, росший среди соснового молодняка, тополей и гледичий, укрывающих густым сводом проторенную дорожку. Увиденная картина заставила меня еще глубже уйти в себя. На полпути послышался треск ветки, от которого Юния, завиляв хвостом, остановилась и заржала. Я тут же опомнилась.

– Тише, девочка, тише, – гладила я мула по жесткой гриве и большим висящим ушам.

Справа от нас показался странный силуэт. Поморгав несколько раз, я все же смогла разглядеть его получше.

Никаким привидением там и не пахло: за нами тайком следил неизвестный мужчина. Но ему не перехитрить меня, даже своим болезненно-белым оттенком лица. Хотя выглядел он пугающе, испуская ауру, преисполненную тьмой. Вообще он толком не прятался, скорее наблюдал, прижавшись к коре дерева и положив ногу на бугристый корень. Ему было плевать, кто за ним смотрит, и кажется, я знаю этого человека. Да, это точно он.

Таинственным незнакомцем оказался Вестер Фрейзер, кузен моего умершего мужа.

Я видела его в лесу еще на прошлой неделе, когда осматривала дороги, и рядом с Юнией в городе у Центра. Он уже давно выслеживал меня, а с того момента, как я овдовела, все стало только хуже.

Со всеми подобными мне он обходился одинаково: и с карликом Майклом МакКинни, который катался в повозке по горам, показывая всем три соска на голой груди, и с мальчиком с розовыми глазами, кожей и волосами молочного, как у ягненка, цвета, и с семилетней девочкой-метиской, приступы которой не могла смягчить ни одна настойка или трава, и с хозяйкой Гудвин, на чьих тройняшек Вестер уже давно положил глаз, заявив во всеуслышание: *«Не prestало рабе божьей, яко дикому животному, родить на свет много детенышей за раз. Несомненно, это дьявольская работа – в одну грешницу столько семян сеять»*. Еще были безбожники, никогда не обретшие себя в лоне церкви, и пара грешников, которым, по мнению Фрейзера и его последователей из Первой горной общины истинного Иисуса, сам сатана даровал такие черты. У этих отступников не было имен, только ярлыки, характеризующие их странности.

Попытки Вестера изгнать из них дьявола крещением в холодных быстротекущих водах Беспокойного ручья привели к тому, что семилетний ребенок впал в кому и скончался, двое из трех малышей хозяйки Гудвин утонули, белый, как бумага, парень остался немым, а вот Майклу МакКинни удалось сбежать, отделавшись сломанной конечностью и ключицей, правда, с тех пор его никто не видел.

Отец делал все возможное, чтобы оградить меня от крещения Фрейзера. Когда я только родилась, он прогнал с нашего двора пастора, выстрелив прямо в Библию. Уже позднее, когда мне исполнилось шесть, а затем двенадцать, Па снова пришлось взяться за ружье. И только после разговора с шерифом вся эта история закончилась.

Меня испугало, что Вестер оказался на моем маршруте, заняв наблюдательную позицию. Осмотревшись, я не нашла его лошадь: видимо, успел спрятать перед началом охоты.

Дыхание участилось, больно отдаваясь в висках.

Забив тревогу, Юния пошатнулась назад. Я стала понукать мула, резко дернув поводья и ударив пятками по бокам. Но она лишь громко закричала, упрямо вытянув уши, и качнула головой в сторону, готовясь к схватке с Фрейзером.

Я слезла с нее и начала нервно искать ремни, чтобы взяться за них и провести ее мимо обидчика.

Юния брызнула горячей струей воздуха пастору, вставшему посреди дороги, прямо в лицо. Он взялся за удила и несколько раз сильно дернул их. Пытаясь высвободиться, она вскочила на дыбы, но получив удар по задней ноге, повалилась на спину в грязь. Она задыхалась от криков.

– Юния! – ринулась я к ней. – Пожалуйста, не бейте ее.

Старый мул попробовал подняться, но Фрейзер, встав ногой на его шею, железной хваткой вцепился в удила, раздирающие нежный рот.

– Вы же не будете сквернословить в этот прекрасный день, не так ли, вдова Фрейзер? – спросил пастор.

– Отпустите ее. Я на библиотечной службе. Дайте нам спокойно уехать.

– Вы стоите на тропе грешников, – зарычал он в ответ. – За нечестие Бог свяжет вас узами адского мрака, ибо спасение души лежит через крещение.

– Это программа УОР. Я выполняю поручение правительства.

– Очередное оправдание дьявольских проделок. Позволь Иисусу войти в твое сердце и избавить его от греха. Он проведет тебя через огонь, даруя прощение и вечное блаженство.

Не спуская с меня глаз, Фрейзер нагнулся и стал отряхивать мокрую от слюны Юнии штанину.

В такой позе он был похож на Чарли, одно только напоминание о котором вселяло в меня ужас. Те же сальные волосы, всклокоченная борода и гнилые коричневые зубы. Судя по ухмылке и внешнему виду, он собирался спасти мою душу несколько иным способом.

Стараясь вырваться, животное дрожало под его весом. Но Фрейзер только усилил хватку: еще больше выпучились глаза, наполненные от страха тьмой. Возможно, она даже узнала в нем своего старого живодера. Спустя мгновение мул успокоился, и только грудная клетка ходила ходуном.

– Вы делаете ей больно. Остановитесь! – я попыталась оттолкнуть его. Ее вялый язык торчал из пасти, окутанный толстым слоем пены и слюны, а перед вытаращенными темными глазами стояла пелена.

– Пожалуйста, пастор Фрейзер, отпустите нас.

У него засверкали глаза, и он ослабил хватку, лениво ударив по нежной седой морде напуганного мула, который, испачкавшись, смог подняться и в панике убежать, поцарапавшись о ветки.

– Юния, тпру! *Тпру!* – кричала я ей вслед.

Фрейзер схватил меня за руку и дернул назад.

– Куда бы ни ступила твоя нога, за ней всегда крадется грех. – Вонь из его рта доносилась до моего носа.

Я повернула голову в другую сторону.

– Я работаю, сэр. Мне нужно ехать к следующему читателю, – старалась я отвертеться, чувствуя, как руки и все тело мгновенно заливаются темно-синей краской. – Пожалуйста... прошу, отпустите меня.

– Чтобы ты разносила эти дьявольские книжонки добросовестным рабам божьим? Ты нечестива, рождена в грехе. Тебе нужна церковь.

– У меня... у меня хорошие книги, и мама читала мне Слово Божие.

– Ты дикарка! – этими словами он пронзал мою грудь.

– Я знаю про Иисуса Господа. Можно я пойду? – просила я, веря в собственные слова, хотя в глубине души у меня все же были сомнения, поскольку у нас, «васильков», не было своей церкви. Меня никуда не приглашали, даже в малюсенькую часовенку. Дом был моим храмом.

– Она запятнала себя, – прошипел он. – Безбожница. Наверняка сейчас горит в аду за свои грехи, совершенные здесь, на девственно чистой земле. *За тебя!*

– Я не такая, пастор! На мне нет грехов, – пыталась я вырваться из его цепкой хватки, оставлявшей после себя одни синяки. – Люди говорят, что Бог живет не только в вашей церкви. Мама знала Священное Писание и каждый день его читала. Она не грешила.

– Она была грязной дикаркой. Нет слова чище, чем Его собственное, написанное церковью, которое Он, обращаясь ко мне, просит разделить с тобой. Ты – настоящая дьяволица, которая околдовала Чарли и теперь думает, кого бы еще заманить в свои лапы.

– Пожалуйста, господин пастор.

– Я могу спасти твою душу. Бог вылечит тебя от этого дьявольского цвета, – он еще сильнее сжал мою руку. – Глас свыше велит возвращать домой заблудших овец, и мой долг – сберечь близких. Пойдем со мной.

Осмотревшись, я ничего не увидела. Бежать некуда: кругом один лес. Внутри все сжималось от страха.

Временами всплывали разные истории о подлых мерзавцах, которые нападали на женщин в лесу и насиловали их прямо на дороге. Вестер Фрейзер был одним из них.

Когда запустили программу Конных библиотекарей, к одной из девушек на маршруте пристал пьяный бутлегер и украл лошадь. Шериф пришел в ярость, выделив целый отряд на поимку преступника. А все потому, что он был без ума от этой программы, высоко ценя услуги местных библиотекарей. Па рассказывал, как они нашли этого пьянчугу и привели на порог Книжного центра для публичной порки, а затем взгромодили полумертвую тушу на ту же лошадь, которую он незаконно присвоил себе, и отправили умирать в горы рядом с кучей медвежьего дерьма.

Шериф придавал особое значение нашей деятельности в этих окрестностях, где ничего не было, кроме школы со старыми учебниками. Прибив соответствующее предупреждение внутри почтовой конторы, он публично заявил, что серьезные последствия будут ждать любого, кто обесчестит, опозорит, поднимет руку на книжную даму или посягнет на ее деятельность. Люди с воодушевлением встретили такое решение.

Проблем стало намного меньше. А с Юнией только усилилась уверенность в собственных силах. Я пыталась найти мула промеж деревьев, но там никого не было.

– Отпусти меня. Иначе шериф будет судить тебя по всей строгости, – угрожала я.

– *Закон*. Он сжал губы. – Плевать я хотел на человеческие законы и на эти глупые старые связи.

Хотя шериф был женат на ком-то из семьи пастора, еще очень давно я слышала, как он сильно повздорил с Фрейзером из-за земли, и с тех пор они враждуют.

– Мой отец, – от жара во рту пересохло, – мой отец заставит тебя ответить перед законом. – Эти вымученные слова с большим трудом продирались сквозь зубы.

– Послушай-ка, девочка. На этой земле нет другого закона, кроме Божьего, – сказал пастор скрипучим голосом, подвинув меня ближе к себе. – Прямо за этими кустами протекает река. Я могу окрестить тебя в ней, отпустить грехи и сделать то, что было не под силу бедному Чарли, – даровать спасение души, о котором ты могла только мечтать.

Уверена, он довел бы меня до воды, а потом утопил бы.

Пастор усилил хватку.

– И правду говорят, что старика не держала ни земля, ни его шлюхи. Почему ты оказалась последней? Той, что высосала из него силы своим колдовством или, может, все дело в твоей жгучей синей промежности? Он начал тереться об меня, суетливо проводя руками от ягодиц до груди. Его костлявые пальцы впивались в каждый сантиметр моей кожи.

– Отпусти меня, – я резко задержалась из стороны в сторону, пытаюсь вырваться, но это не ослабило железную хватку.

– Пойдем со мной, – он еще сильнее сдавил руку, прижавшись лицом к моему уху. – Я впрысну в тебя немного горячего семени, которое выжжет всех синих демонов.

Обхватив руками шею, Фрейзер насильно притянул меня к себе и вымочил мои губы в мерзком грубом поцелуе.

Сплюнув, я вытерла рот тыльной стороной ладони и увидела следы крови, тонкой струйкой текущей там, где его зубы оторвали часть моей кожи. Он снова прижался губами. Сопrotивляясь, я почувствовала приступ тошноты, вспомнив кровь, прилипшую к бедрам после той ночи с Чарли Фрейзером. Тогда у меня ушел месяц, чтобы отскрести ее с ног вместе с кожей. По оголенной плоти стекала кровь, безвозвратно удаляя следы присутствия кузена пастора.

За Вестером я увидела чью-то длинную тень, затем послышался глухой звук удара и испуганный крик.

Юния ревела и громко била копытами, из-под которых клочьями летели земля и корни.

– Синяя ведьма, – униженно провопил Фрейзер.

Он бросил меня на дороге и убежал в лес. За ним погналась Юния, чавкая крепкими зубами под собственный крик, который сводил с ума и даже сдирал кору с сосен.

Глава 6

Юния вернулась одна. Дрожа от страха, я сидела рядом с ней и молилась. Но, как всегда, вне церкви все мои просьбы казались притворством, недоверием к словам своих же земляков о том, что Бог вездесущ. Спустя несколько минут мной завладел стыд от осознания собственной греховности. Сколько бы раз я ни обращалась к Всевышнему, в церкви для меня все равно не отведено место, а значит, я была никому не принадлежавшим существом без Бога. Поэтому Иисус никогда ничего не дарует мне до конца моей жизни.

Плечо мула дрожало под моими руками. Почти час я пыталась его успокоить и еще час ушел на то, чтобы избавиться от приступа тошноты и позабыть о Вестере Фрейзере. Я вновь лишилась свободы и счастья, которые обрела этим утром. Меня одновременно раздражало и пугало то, с какой легкостью ему удалось меня обокрасть. Я взглянула на часы, отряхнула юбки и отправилась в путь.

Прежде чем добраться до дома Лаветта, мы уже посетили три хижины. У меня ломило шею, потому что приходилось постоянно оборачиваться назад. От нервов щипало все тело.

С горного хребта открывался завораживающий вид, и вскоре я немного расслабилась, наслаждаясь пейзажем. Вдалеке гряды настилались друг на друга темно-синие горы, края которых переливались на солнце с каждым поворотом головы, начиная от темных тонов и заканчивая светло-зелеными оттенками, создаваемыми парящими облаками. Дул свежий прохладный ветер. Аромат жимолости и сладких яблок, исходящий от ближайшего дерева, витал над обветшалым забором, мимо которого в поисках желанного нектара пролетали бабочки и толстолапые пчелы.

Эта гора жила своей жизнью. В ней чувствовался заряд энергии, в отличие от моего дома, скрывшегося в темной гниющей впадине, поросшей старой корой и мхом, где весь день стояла темнота, переходящая ночью в беспросветный мрак. К горе Лаветта относились с пиететом, будто на ней располагался божий храм.

– Тише, девочка, – успокаивала я Юнию, с опаской обходя по кругу дом моего нового читателя.

Смугловатый от загара, как дорогой старинный пергамент с золотистым оттенком, но моложавый на вид Джексон Лаветт стоял на коленях во дворе, напевая скрипучим голосом какую-то песню, и заделывал брешь в пробитой стенке колодца.

– Оставь ее на крыльце, – сказал он, едва взглянув на меня.

Я повернула к лестнице, слезла с мула, но поводья держала в руках. Внутри выюков отыскала потрепанную копию *«Мольбы по старому шахтеру»*. Я экспериментировала с книгами, стараясь угодить каждому читателю. Но с таким скудным ассортиментом было невозможно подобрать материал абсолютно для каждого человека. К тому же, я появлялась в Центре всего раз в месяц. Вслед за Коббом из кожаного мешка выпали еще две книги и оказались на траве рядом с Юнией.

– Тише, тише, – продолжала я успокаивать мула, от страха вытянувшего ноги. Я нагнулась за книжками под копытами и, не отпуская поводья, постучала ей по коленям, чтобы она отошла назад.

Мистер Лаветт пришел на выручку, взявшись за уздечку. Не успела я предупредить о буйном нраве Юнии, как она тут же, вытянув назад уши, укусила его.

Он отдернул руку, тихо ругнувшись про себя, и стал успокаивать рану, трясая запястьем.

– Простите, сэр. *Простите!* У нее выдался ужасный день, – извинялась я, от досады слегка ударив ее по крупу. – Мне очень жаль. Просто она, как бы это сказать... не очень любит людей. – Я полезла в сумки за старым бинтом, предложив его мистеру Лаветту.

– У меня есть кое-что получше, – отмахнулся он, взяв с перил кувшин, и промыл прозрачной жидкостью свою рану. – Алкоголь вылечит быстрее.

Я полезла в карман за семенами Ангелины. – Миссис Моффит просила вас передать это доктору в качестве оплаты за прием. Ее мужу нужна помощь.

– Я пока не собирался в город, – он скорчил гримасу, посмотрев на рану, и пока обматывал больную руку куском тряпки, ловил на себе мои робкие взгляды.

– Он в очень плохом состоянии.

Наши взгляды встретились, и я уже не могла отвернуться. В его глазах таилась живость и энергичность, однако никакой игривости в них вовсе не было. Скорее что-то более серьезное: рисковость и азарт, но при этом его взгляд источал смелость и безобидность, даже я была не в состоянии вызвать у него ни отвращения, ни страха, ни желания убивать. На лице читалось любопытство, потерянности и другие отдаленные чувства, которые я не могла вспомнить, но которые каким-то странным образом запали в его душу и навсегда там остались.

Он перевел взгляд на руку, чтобы снова осмотреть рану.

– Его подстрелили, сэр. Он серьезно ранен. – Опустив голову от собственной наглости, я почувствовала, как лицо вместе с ушами заливается синей краской, и спрятала руки за спиной, вспоминая оленьи перчатки отца, которые сейчас пришлось бы очень даже кстати.

– Нечего было красть чужих куриц, – простодушно сказал он, рассматривая мое платье.

Я убрала семена обратно в карман пальто, нервно перебирая пальцами по крохотному свертку. Слишком высокая цена для обычного воришки, чтобы отрывать себя от дел и ехать ради него несколько часов до города и обратно. Мистер Лаветт не видел в этом смысла. Зато я буду в городе через пару недель и тогда передам все доктору.

Довольный своей повязкой на руке, он вытащил из кармана нож.

Боясь, что он решил отомстить, я отступила, притянув к себе Юнию за поводья.

– Значит, Юния? – он начал дразнить мула ножом, следя за его реакцией. – Так зовут эту старушку?

Юния прижала уши и выбросила вперед переднюю ногу. Мистер Лаветт успел увернуться, немного недооценив ее характер.

Ругаясь, я снова дернула за поводья.

– Так ты встречаешь новых друзей? – спросил мистер Лаветт, взяв яблоко с крыльца. Он отрезал от него кусок и протянул мулу.

Юния повернула голову, искоса смотря на него и фрукт. И в тот момент, когда казалось, что ничего не произойдет, она все-таки подалась вперед и забрала все яблоко.

– Юния! – закричала я, испугавшись, что теперь он точно будет ее лупить или придумает еще чего хуже.

Но он лишь засмеялся и убрал нож в карман. – Какая у тебя заботливая хозяйка. Она дорожит тобой. Я тебя угощу чем-нибудь, если еще раз привезешь мне книжную даму. Обещаю.

Хлопая ушами и жуя яблоко, Юния внимательно рассматривала мистера Лаветта. Никогда раньше этот мул не проявлял симпатию к мужчинам после тех страданий, которые причинил ему Чарли Фрейзер со своим кузенком.

Мистер Лаветт поднял с земли копию *«Мольбы по старому шахтеру»*. – А есть что-нибудь еще? Мне нравится Кобб, но я уже прочитал его, когда уезжал на запад.

Старый писатель Ирвин Ш. Кобб, который родился у нас в Кентукки, пользовался особой популярностью среди мужчин за свой непревзойденный юмор. Помню, как Па любил читать его истории о пожилом священнике-судье.

– Не сегодня, сэр. Остальные книги уже заказаны. Я довольствуюсь лишь тем, что привезет почтальон. Попробую принести что-нибудь еще в следующий понедельник. У вас будут пожелания?

– Давно хотел почитать Джона Стейнбека, его последние произведения.

– Я хожу в Библиотечный центр каждый второй вторник. Постараюсь подобрать вам нужную книгу.

Мне нравилось искать материал для читателей, а не брать все подряд у курьера.

– Благодарю. А вы много читаете?

– Да, сэр. Я начала читать с тех времен, когда научилась самостоятельно держать в руках книгу, и пока не думаю останавливаться на достигнутом. Мама обучала меня по семейной Библии, старым газетам, брошюрам и псалтырю. Она заставляла отца собирать пустые банки из-под масла и мусорные контейнеры, на которых была напечатана реклама. Все ради того, чтобы меня выучить.

– Мои родители делали то же самое, – подметил мистер Лаветт, смотря на горы и погрузившись в теплые воспоминания о том времени.

Интересно, была ли его мама *заядлой читательницей*. Моя мама не заканчивала школу, но знала не меньше тех, кто ее посещал. Многие книжки перешли ей от деда-француза, но у нее была также и своя небольшая библиотека из восьми книг, на которые отец откладывал каждую монету. Мама настаивала на моей грамотности. Отец был не против и даже соорудил угловую полку для книг, хотя сам особой любви к чтению не испытывал. Он любил листать газетные или журнальные статьи, повторяя одно и то же: «Книга – это хитрый вор, крадущий наше время. Куда лучше пообщаться с людьми».

Мне было приятно узнать, что этому читателю так нравилась литература. Странно, что он вообще умел читать и интересовался этим занятием, поскольку многие мужчины в наших окрестностях предпочитали журналы о механике или каталоги.

Одни напрочь отказывались от любой макулатуры, других вынуждали обстоятельства в виде писем, приходящих от сыновей с фронта. Но потом мне пришла в голову мысль, что этот человек наверняка образован: ведь он же построил на западе целую плотину.

– Как я скучал по книгам, – сказал мистер Лаветт. – Очень жду новых поступлений. Я бы хотел взять сразу несколько, если такое возможно.

– Постараюсь, сэр.

– А ты быстро ходишь, – обратился он к Юнии, – Говорят, ты не любишь людей? Но после того вкусного яблочка, может, уже передумала? – он взглянул на меня вполборота. – А вы?

– Простите, сэр? – спросила я, подбирая упавшие книги.

– Вы... я вижу, любите книги. А люди вам нравятся?

– Думаю, мне пора идти. Уже заждались другие читатели. – В моем списке оставалась школа, мистер Прайн, семейство Смитов и Лоретта Адамс. Еще можно было нагнать упущенное время.

– Называйте меня Джексон, – он сделал шаг ко мне навстречу. – А вы должно быть...

Обнажив зубы, Юния взвизгнула, как привидение, и протиснулась между нами. Она отталкивала его и клацала зубами, пытаясь еще раз ущипнуть.

И снова я была благодарна ее упрямству.

– Кюсси Мэри, но люди меня зовут также Васильком, – пробормотала я, спрятавшись за седло, и, закончив складывать книги во выюк, залезла на мула.

– Василек, – медленно протянул он, поглядывая на мои руки и лицо. – Красивое имя, напоминает синюю стрекозу. И ало-голубые коллинзии. – Он кивнул подбородком в сторону старого дерева, облаченного в юбку из полевых цветов синего и белого цвета.

– Тише, – шептала я Юнии, не зная, что на это ответить. Мое синеющее лицо говорило ярче любых слов. Предполагая, что он в ужасе от моего цвета кожи заберет свои слова обратно, я, немного придя в себя, уже чуть более уверенно снова выдавила из груди «*Тише*».

– Будь осторожна, – похлопал он мула по крупу.

Юния завилала хвостом и наострила уши.

Я ударила по бокам, однако она стояла как вкопанная. Мистер Лаветт внимательно смотрел на меня. Всем весом я вжалась в седло и снова ударила по крупу, но мул упрямо никуда не двигался, испортив наш изящный уход.

– До свидания, Кюсси Мэри, – попрощался он, и его лицо озарила улыбка, которую в этот раз было видно даже во взгляде.

– Вперед! Я широко раздвинула ноги и сильнее ударила мула: от резкого хлопка стреляющим ремнем все мое тело стало стыдливо заливаться синей краской.

Юния зафыркала и поскакала рысью.

– Джексон Лаветт, – прошептала я спустя несколько минут, убедившись, что мы ушли достаточно далеко от его хижины, и сделала остановку. – Что ты думаешь о нем?

Подняв верхнюю губу, Юния вдыхала свежий ветер, пропуская его через свои большие красивые зубы.

Глава 7

Когда мы ушли от Лоретты Адамс, последнего читателя на сегодня, на горы складками ниспадала тень от темных туч из угольной пыли. Юния прискакала домой, ни разу не споткнувшись.

Я сняла уздечку, седло, вьюки и повесила все внутри крошечного сарайчика, который Па с большой неохотой сколотил для нее.

Наслаждаясь свободой, Юния каталась по траве у входа. Спустя пару минут я почистила копыта и пустила ее в стойло. Заметила на шкуре несколько царапин и обработала их мазью. Закрыв створку, подложила сена к ее окну. Она просунула морду в крохотную щелку и обнажила зубы.

– Долгий день, – устало сказала я, пощекотав ее висящие уши. – Мне тоже надо отдохнуть. – Она смотрела на меня с важным видом, подпихивая головой руку.

Взяв домой ведро воды и вьюк, я поторопилась на крыльцо.

Остановившись у входа, прижалась к двери, с ужасом вспоминая о длинной ночи без Па, когда он, уходя в шахту, оставлял вместо себя одиночество. Оно не ощущалось во время работы, но стоило ступить на порог собственного дома, как на горизонте уже маячила пустота, за которой наступала беспросветная темнота.

Журчали воды нашего ручья, плавно обтачивая камни, прижатые сырыми клубами тумана. Я глубоко вдохнула ночной воздух, чтобы забыть обо всех проблемах и Фрейзере, притаившемся в лесу. Иногда, когда небо было ясным, я любила сидеть на улице вместе с Юнией и наслаждаться звездами до тех пор, пока ко мне не возвращалось дыхание и силы вернуться обратно в дом.

Наверное, отец услышал, как я приехала. Кашляя, он позвал меня к себе.

– Добрый вечер, Па, – поздоровалась я, стараясь добавить хоть каплю живости в свое приветствие, и опустила ведро с вьюком.

Отец только что проснулся. Зевая, он размял подбородок, покрытый щетиной, и надел рабочий халат поверх длинных панталон.

– Припозднилась ты сегодня.

– Прости. Слишком насыщенный день.

– Что-то случилось? – его испачканные углем брови выражали беспокойство.

– Эм... нет, конечно, – соврала я, стараясь спрятать ложь за наигранной улыбкой. – Просто в первый день выдался такой длинный маршрут. Я пыталась нагнать упущенные страницы и побольше почитать людям.

Мне не хотелось рассказывать об инциденте с Вестером Фрейзером. Одно дело, когда на твою территорию проникает незваный гость, и в таком случае закон Кентукки защищает от насилия людей любого цвета. Но мы, синие, боимся наказывать нарушителей, если они совершили преступление на чужой земле.

Так уже несколько лет страдали «васильки», которые боролись за справедливость, отстаивали честь близких, давали отпор своему недоброжелателю – все эти смельчаки получали розгами по спине или вовсе пропадали без вести в горах. Дядя отца был одним из таких бедняг, которого столкнули в заброшенную шахту за то, что он избил мужчину, пристававшего к его жене. Никто не мог найти останки Колтона целых пять лет.

А еще бывали и такие случаи: думая, что я сплю или не слышу их, люди перешептывались между собой, обсуждая других синих страдалцев, которых вешали за безобидные вещи, например, якобы, за клевету на белых людей.

– Я была у нового читателя. Его зовут мистер Лаветт.

– Он тебе навредил?

– Нет, ничего такого. Он... – *Какой?* – очень милый человек. Ездил на запад, чтобы построить плотину для нашего президента. А еще купил старую ферму. Мистер Лаветт обожает книги. Я одолжила ему кое-что из Кобба.

Па молча сидел на кровати, пытаясь завязать шнурки, которые никак ему не поддавались. Наконец он кивнул в сторону печки. – Помоги мне с бобами. Ты приготовила их еще с утра.

Выдохнув с облегчением от того, что он был не в том настроении, чтобы ворчать по поводу моей работы, я направилась к печке. Под ногами скрипели старые прогнувшиеся доски. Я взяла два отрезанных куса булки, которую испекла накануне, и зачерпнула из котелка немного бобов, выцедив из ложки воду. Раздавила бобы, размазала их по хлебу и убрала полувывисшиеся бутерброды в жестяную коробку, добавив в нее яблоко и жилистую морковь.

– Я заварю тебе чаю.

– У меня нет времени. Уже опаздываю.

– Очередное собрание профсоюза?

– Угу.

– Мама говорила, что они опасны.

– Это не женское дело.

– Но я переживаю за тебя. А вдруг будет еще одна забастовка, тогда люди снова начнут умирать. В последней стачке погибло три шахтера, еще несколько были избиты и навсегда остались калеками. Охранники Компании опять возьмутся за оружие и будут расстреливать всех зачинщиков. Мне страшно.

– Доченька, посмотри на ужас, в котором мы живем. Да, они убийцы, настоящие головорезы, которых Компания наняла себе в охрану. Но что-то же нужно делать. Все было еще хуже до их приезда, – Па закашлял. – Мы пашем по семнадцать часов в черной каменной дыре за жалкие гроши, боясь очередного обрушения или взрыва, который станет огненной могилой. У нас уже стерты в кровь ноги. Черт возьми, даже твой мерзкий мул ценнее наших жизней. Вспомни моего старшего брата.

Я тогда была слишком маленькой и толком ничего не помнила. Рабочие обманом заманили Даниэля в шахту, сказав, что уже отправили туда мула, они поступили так только потому, что Компания уже потеряла одно животное две недели назад. Даниэль вошел внутрь с фонарем, затем раздался взрыв. Он кричал о помощи, но люди Компании не могли его выкопать: слишком велик был риск еще одного обвала. Два дня и две ночи Па стоял рядом и разговаривал с братом через крошечную щель в обломках камней, пока тот лежал в холодной темной пучине шахты, страдая от сильных ожогов и моля о пощаде. На третье утро, когда Даниэль умолк, люди Компании все же пробились сквозь завал и позвали священника отпеть его душу.

– Вчера они отстранили от работы Джону Уайта: на его мула упала опора арки и сломала спину. У самого Джона конечность ободрана до самой кости, – сказал отец с грустью в глазах.

Я взялась за свою руку, которую сломал Фрейзер, и ужаснулась страданиям, через которые пришлось пройти этому бедняге и его мулу.

– А начальник лишь проворчал, что тот купил себе дохляка, и вычел неустойку из зарплаты. Потому что нельзя убивать или калечить мулов Компании, кроме случаев утечки газа. Иначе они отстранят тебя от работы или вообще уволят, – продолжал Па уже надтреснутым голосом, щелкая пальцами. – А вот если рабочий потеряет руку или подохнет в этой чертовой дыре, они даже и глазом не моргнут. Просто наймут другого. Они истребляют мужчин Кентукки, мужчин нашей земли, – он снова закашлял. – Они теряются здесь, доченька. Эти следы из грязи и навоза, которые пересекают город и пропадают здесь, в гиблых коричневых горах. Здесь, – от рвущегося наружу гнева у отца сводило челюсть. Он снова откашлялся, – Здесь, в этой богом забытой дыре! Эти кровопийцы сначала высосут из нас все соки, разжирев на нашем же труде, и только потом, может быть, снимут хомут с шеи.

– Пусть пойдет кто-нибудь другой. Почему всегда ты? У тебя уже не было выходного больше месяца.

– Именно поэтому идти должен я. – Он застегнул подтяжки на груди, дернув плечами. Я отдала ему коробку с обедом и надела на голову каску со старой карбидной лампой.

От нервов уставшее лицо отца покрылось морщинами, а ведь смена еще даже не началась. До шахты он ходил пешком, каждый раз преодолевая по пять миль. Мне хотелось, чтобы он подружился с Юнией и ездил на ней до работы, но он напрочь отвергал это предложение со словами: «Я лучше пройду несколько сотен миль босиком по колючему шиповнику, чем сяду на это проклятое недоразумение».

– Поедешь на этой неделе в Центр? – спросил он, уже стоя в дверях.

– Нет, через две недели, – ответила я, взглянув на прибитый к стене календарь, на котором стояла отметка у второго вторника мая.

– Я немного расчистил тебе дорогу.

– Спасибо, Па, – я поцеловала его в щеку и напомнила, – не забудь свою палку. Никогда не знаешь, какое четвероногое создание будет тебя поджидать на этот раз: медведь или стая собак, а бывает, нападают и двуногие. Я вспомнила о случае с Вестером Фрейзером и убрала свои пятнистые руки за спину, подальше от глаз отца.

– Тебе нужно отдохнуть, – выходя на улицу сказал он, кашлем прокладывая дорогу до пыльной работы, на которой не было даже намек на кислород.

Хороший совет. Но не все так просто. Поужинав супом, я надела фартук и стала убирать в хижине: подмела большой ковер, который связала в прошлом году, и помыла темные деревянные полы, где обычно стояли ботинки отца, грязные от угольной пыли.

Практически невозможно поддерживать чистоту в доме шахтера, а если попытаешься, то нельзя расслабляться ни на миг.

Даже с учетом выходного, который я получала каждую неделю, всегда находилось что-нибудь грязное после очередного прихода отца.

Я сняла с кровати постельное белье, измазанное в саже, прокипятитла его, выжала во дворе и развесила на веревке, проходящей по потолку за печкой, а в голове тем временем нервно крутились мысли о работе Па в этой черной дыре, утечках газа, взрывах и обвалах. Этого было вполне достаточно, чтобы свести с умалюбого типичного ханжу, но мне ничего не оставалось, как просто отбросить дурные мысли.

Я растирала обветренные руки, вспоминая о маме, с которой можно было поделиться своими проблемами. Она любила читать Библию, романы и петь французские песни. Ее голос ласкал слух и грел душу как бальзам, уводя нас в мир, где мы забывали о серых буднях отца. Напевая одну из ее любимых мелодий, я заправила его постель свежей муслиновой простыней, сшитой из куса ткани, которую Па купил в магазине Компании в прошлом году.

Закончив с постельным бельем, я положила на место фонарь и принялась за робу. Я стирала ее с щелочным мылом на специальной доске, полоскала, затем снова стирала и выжимала до тех пор, пока не свело руки. В итоге пришлось сменить почерневшую воду четыре раза, и только тогда одежда полностью очистилась от угля. Наконец настала очередь моих испачканных длинных юбок, нижнего белья и носков.

Вернувшись в дом, я с трудом разогнула окоченевшие руки и вспомнила о ведре, забытом на крыльце. Подошла к старой цинковой ванне, вылила в нее воду и оставила нагреваться у печки.

Пришлось сделать еще две ходки, чтобы подготовить ванну, и еще одну, чтобы заполнить ее до краев. На третий раз я прислушалась к тишине, заметив, что чего-то не хватает. Едва слышался зов Юнии. Я подошла к ней и тихо поздоровалась. Вид у нее был расслабленный: уши висели, глаза сонные. Она хотела предупредить меня о возможной угрозе.

– *Взгляни на зверей, птиц, диких собак и прочих тварей*, – давным-давно учил меня Па. – *Бог приложил все силы и создал им уши, которыми они пользуются для своей защиты. Этот же орган спасает и нас с тобой.*

Еще раз пожелав спокойной ночи мулу, я принесла последнее ведро. Ведь утром вернется измотанный отец, перепачканный в копоти и саже. И по примеру других семей шахтеров, которым посчастливилось иметь дома помощника, придется раздеть его до пояса, чтобы соскрести со спины прилипшую угольную пыль.

Я собрала на чердаке одежду для завтрашней стирки и, добавив к ней подушку, спустила все вниз.

Когда чистое белье было развешено, в хижине убрано и все прочие домашние дела переделаны, я поставила греться чайник, а сама села за деревянный стол, чтобы порезать ткань с бумагой на мелкие лоскуты и подклеить ими книгу Ангелины.

Я достала с ближайшей полки альбом библиотекаря, в котором, как мне казалось, собирала всякие интересные вещи для своих читателей. Ради обложки пришлось даже пожертвовать целым мешком с красивым цветочным рисунком. В свободное время мы, библиотекари, наполняли свои книги горными мудростями, рецептами, выкройками, народными советами по уходу за здоровьем и по уборке. Издания присылали старые выпуски газет, из которых мы вырезали стихи, статьи, сочинения, новости со всего мира и добавляли весь материал себе. Такие альбомы стали играть жизненно важную роль во всем библиотечном проекте. Их передавали из рук в руки.

Я открыла свою книгу и вклеила в нее написанную от руки инструкцию по созданию метлы из растения сорго. На обратной стороне были прикреплены шаблоны для плетения кружев из старой тесьмы, которую подарил неизвестный читатель.

Попивая чай, я листала страницы своего альбома. Некоторые были посвящены воскресным комиксам. Их очень любили в наших краях. Мужчинам нравились «*Дик Трейси*» и «*Лил Абнер*», женщины же не могли устоять перед «*Блонди*», а дети сходили с ума по «*Сиротке Энни*» и «*Бастеру Брауну*». Я специально подолгу выслеживала эти комиксы, аккуратно вырезая их из старых газет и журналов для своих будущих книг. Всего у меня было три альбома, два из которых, в ужасном состоянии, лежали у читателей. Как бы мне хотелось иметь еще больше материала!

Вспомнив о своем обещании подыскать нужную книгу мистеру Лаветту, я полистала еще несколько страниц и остановилась. Люди с особым трепетом ждали рубрику о новейших народных средствах и советах по уходу за здоровьем, которые можно было найти в брошюрах от правительства. Мне нравилось, что многие люди, особенно пожилого возраста, охотно делились собственными находками.

Так, один из читателей написал о магнитной руде, которая притягивает деньги, любовь и удачу, если носить ее на шее в виде амулета. Ниже шла запись от акушерки Эммы МакКейн о защитных свойствах морских ежей, останки которых она рекомендовала держать у себя во время родов. Женщина лично отправила свою заметку в библиотеку, умоляя меня добавить эти строки в свой альбом, поскольку она верила, что этот способ работал и о нем должен узнать каждый житель страны. В самом конце Эмма обратилась к мужчинам со словами: «*носите амулет с магнитной рудой, тогда у вас не будет проблем с эрекцией и сексуальным желанием жены*».

Вздвигнув, я открыла следующую страницу. Тут советуют держать в кармане лапку крота, чтобы защититься от зубной боли. Па слабо верил во все эти приметы, но всегда имел при себе безоаровый камень, который нашел во внутренностях оленя. Так делали многие, кому посчастливилось обзавестись этим старым талисманом. Считалось, что он защищает от бешенства и даже может высосать яд, если приложить его к ране от укуса собаки или енота.

Пара страниц отводилась рецептам мыла и рекомендациям по уборке: один читатель нахваливал смесь воды, уксуса и лимона, которая смывала всю копоть с сосновых полов и очищала стены от застывшей сажи, скопившейся за всю зиму. На одном листе был нарисован чертеж с подробной инструкцией по созданию плиты, на другом показывали, как собрать во дворе туалет на двух человек.

Следом шла поэтическая рубрика. На ней захотелось остановиться подольше, чтобы перечитать одно из любимых стихотворений: «В ресторане» Уилфрида Уилсона Гибсона. В такие моменты я обожала представлять звуки скрипки, которые он вписал в свое произведение. Далее были «Деревья в саду» Д. Г. Лоуренса. Красивая поэма о деревьях, пропитанная свежим запахом коры, цветущих листьев и распускающихся плодов.

Я закрыла альбом и наслаждалась убранный хижинкой, массируя икры и бедра, напряженные от долгой езды верхом. Вспоминая свой график, подошла к стене и взяла календарь.

Сегодня понедельник, 24 апреля. На дате отсутствовала отметка. Я внесла запись: «*Первый книжный маршрут. Новый читатель. Дж. Лаветт.*» – и проверила расписание на оставшуюся неделю.

В понедельник было девять остановок. Освежая в памяти свой милый визит в школу, я улыбнулась про себя, представляя радостные лица учеников. По дороге мне попались двое ребят с корзинками. Они были постарше остальных. Тот, что повыше, заметив меня, оживился и, обратившись к другому, помчался в обратную сторону:

– Никаких раков сегодня, Тэд. Мне пора в школу. Книжная дама приехала!

На школьном дворе один мальчик забрался на дерево и, висая вверх ногами на ветке, закричал:

– Книжная дама! Книжная дама здесь!

Учительница была так рада моему возвращению, что даже не стала ругать озорного сорванца.

Я стала вспоминать других людей, к которым сегодня приезжала. Увидев меня во дворе, Марта Ханна уронила чистое белье прямо в грязь. Мистер Прайн вышел на крыльцо и, потеряв дар речи, просто тараторил, одарив меня скромной улыбкой. А мисс Лоретта заплакала, хотя никогда бы не призналась в этом. На мое предложение дать ей платок она стала сетовать на старые больные глаза. Эти моменты грели душу, устанавливая тесную связь с моими любимыми читателями.

Тыльной стороной руки я вытерла намокшие ресницы и моргнула несколько раз, смотря на календарь. Во вторник у меня поездка вдоль русла и раздача книг всем желающим. В среду опасный подъем на Крученую гору, где живет семейство Эвансов, и визит к молодому мастеру Флинну. В четверг обмен старой литературы на новую и получение любого другого материала, который привезет курьер. Порой попадались даже письма, когда почта не справлялась со своей задачей. И наконец, в пятницу последний маршрут в восемнадцать миль, по которому нужно доставить книги жителям Табачной горы Орена Тафта.

Сделав еще несколько записей, я, довольная результатом, отложила в сторону календарь. Достала подушку и легла на нее, проводя рукой по вышитой синей бахромке, которую очень давно мне отдала мама.

Когда мне было пять, она подшивала ей подол наших платьев. Мягкая синяя окантовка с резкими вкраплениями темных оттенков создавала фон, на котором наша кожа казалась намного белее, чем это было на самом деле.

– Рабочий трюк, – говорила она тогда, собираясь в город с необычным визитом. – Этот цвет похож на небо, которое ангелы украшали синешейками, – подмигивала мама, – а ведь именно эти милые птички первыми бросаются в глаза.

Она взяла с отца обещание похоронить ее в этой одежде. После смерти мамы я сделала из своего потрепанного платья мягкую наволочку, вышив по краям синих птиц, которые напоминали мне о нас.

Я гладила пальцем нитки, смотря в пустоту, на которой держалась наша хижина, и даже звук дыхания не мог зажечь в ней искру. Перед глазами особняком стояло одиночество. Мысли занимали Фрейзеры. Пришлось вспомнить одну старую французскую колыбельную, которую мне пела мама, разглаживая волосы и нежно прикасаясь к лицу. Вскоре голос утих, веки отяжелели и закрылись.

Не знаю, сколько прошло времени, но меня разбудило ржание Юнии, заставившее резко вскочить и ринуться на другой конец комнаты. Упав на колени, я достала из-под кровати ружье отца и тихо подошла к окну. Из-за занавесок ничего не было видно, кроме крошечной темноты. Снова послышался голос мула. Я направилась к двери.

От волнения тряслись руки, поэтому не получалось отпереть замок и крепко обхватить ружье. С языка слетело ругательство, дверь все-таки поддалась, и я выбежала на крыльцо. Прижав приклад к плечу, я принялась внимательно осматривать двор в поисках диких зверей. *Никого*. Но глубоко внутри чувствовала, что в темноте кто-то есть. Прищурилась, осмотрела лес, затем перевела взгляд на залив. Слева послышался звук, вынудивший снова повернуться к деревьям. На букашку, притаившуюся за листьями, точно не подумаешь. Движение было сильным и резким. Там сидел человек. Может, Фрейзер со своей паствой или городские пришли поиздеваться над очередным «васильком». Раздался еще один звук, я задрала ружье еще выше, взявшись за приклад. Не знаю, сколько их было, что за люди там сидели, но в одном точно была уверена: это охотники.

Юния разразилась долгим ревом, сокрушавшим тишину. Я наклонила голову, пытаюсь разобрать в нем звуки шагов и тихого шелеста. В меня вселился страх, из-за которого все смешалось в здоровом ухе. Мул пофыркал и затих. Еще некоторое время я стояла в таком положении, после чего наступила тьма, вызвав у меня приступ паники.

Войдя в дом, я прижалась к двери. Долгий день на маршруте отнял много сил и нервов. С трясущимися руками я согнулась в три погибели и жадно глотала воздух. *Па мог избавиться от любого животного, но кто может избавиться от Фрейзера и охотников?*

Отдышавшись, я выпрямилась и отнесла ружье к себе на чердак.

Глава 8

Каждый второй вторник месяца я работала в библиотечном хранилище, и май не был исключением. На это время библиотекари забывали о своих маршрутах и приезжали в город.

На рассвете я пересекла горы и отправилась в Центр. Увядавшая после зимы трава прогибалась под натиском весенних ветров, воздух подслащали запахи цветущих сангвинарий, герани, дикорастущего кизила и вьющегося лавра, но из-за чувства дискомфорта, мурашками охватившего кожу, мне хотелось как можно скорее закончить все дела в городе, чтобы вернуться на любимую работу.

Прижав подбородок к груди, я постоянно чувствовала себя трусливым воришкой, прячущимся за капором с широкими полями, который защищал от осуждающих взглядов местных жителей и их колких ремарок.

Оставляя мула на привязи у почтового отделения, я услышала свое имя. Это был Док. Он подался к нам вперед, но Юния окатила струей воздуха его лошадь, заставив отойти назад.

– Василек! Рад тебя видеть.

– Я как раз собиралась к вам после обеда.

– Что-то случилось? – обеспокоенно спросил он, вытягиваясь, чтобы лучше меня осмотреть.

– Нет, все в порядке. Проблемы у мистера Моффита. Он заболел и...

– Я занят подагрой мистера Франклина, – отмахнулся доктор.

– Понимаю, – ответила я и полезла в карман за семенами Ангелины. – Миссис Моффит просила передать вам это в качестве оплаты за осмотр больной ноги мужа. Это от Минни. – Я нервно протянула ему крохотный сверток в надежде, что эти слова для него что-то значат.

– Это не стоит визита к вору. Сейчас я его вылечу, а потом он опять возьмется грабить приличных людей, – качая головой, проворчал Док с раскрытым свертком в руках.

– Ему становится только хуже.

– Он – вор.

Я пробормотала под нос «и да, и нет», добавив уже более уверенно:

– Миссис Моффит ждет ребенка, и она очень переживает за мужа. Да у них даже... – мне пришлось остановиться, чтобы совладать с чувствами, – у них... дома нет лекарств, – закончила я, произнеся последнюю фразу более осознанно.

Доктор поправил очки и наклонился ко мне ближе.

– Вообще никаких лекарств! – выпалила я, почувствовав, как кожа начинает заливаться краской, осмотрелась в поисках невольных свидетелей этого зрелища и заметила мистера Лаветта, входящего в магазин Компании.

– Поймите, в Кентукки нет места ворами. Уж кому как не мистеру Моффиту знать, что курица в наших краях намного ценнее человеческой жизни. Он еще легко отделался. Другие бы пожалели, что его тело не изрешетили пулями, превратив в сито. – Довольный своим нравом, он откинулся назад в седло.

Пропустив через себя все волнения и переживания мистера Моффита, я спрятала темные как тень руки в складках платья.

Спустя какое-то время Док выпрямился:

– Вот что я вам скажу. Передайте миссис Моффит, что она может прийти в город, и я осмотрю ее вместе с ребенком. Бесплатно. Вы тоже приходите, – он приподнял жесткую как щетка бровь. – Давно вас не было видно. Прошло месяца три, не меньше, с того времени, когда вы лежали в кровати. – Он показал средним пальцем на мой живот. – Надо бы провериться.

Я вздрогнула, желая спрятаться, укрыть лицо. Сколько себя помню, доктор всегда интересовался «васильками». Он приходил к нам домой и справлялся о здоровье, желая осмотреть

нас. В нем не было ни намека на грубость или злой умысел. Видимо, его действительно волновало наше состояние. Но Па упрямо верил, что тот просто нагуливал аппетит для кровопускания. И опасения отца подтвердились, когда доктор пришел сразу после смерти мамы с просьбой взять у нее образцы кожи и крови. Отец тогда прогнал его с порога, выкрикнув вслед несколько едких ругательств.

– Мне пора к пациенту. Еще увидимся, Василек. – Док повернул лошадь, бросив в грязь драгоценный сверток Ангелины.

Испугавшись, я собрала семена, пересыпала их в карман и поспешила в подсобку почтового отделения. Кто-то даже нарисовал на двери новую табличку *«Библиотечный центр»*, хотя люди заходили к нам лишь изредка. Вообще это место было не библиотекой, а хранилищем, коих насчитывалось всего несколько штук по всему западному Кентукки. Здесь, в крохотной комнатухе, трудились конные библиотекари, сортируя литературу, переплетая и выкладывая для курьера книги, которые он разносил по нашим пунктам выдачи.

Наклонившись над столом, я открыла окно, зазывая залитый солнцем ветер внутрь душного помещения. С улицы эхом доносились звуки громоздких ударов копыт. Я обратила свой взор на повозку, остановившуюся у магазина Компании. Старая телега ломилась под весом ящиков с товарами первой необходимости.

Сзади слышался смех, поэтому пришлось прикрыть окно. Инспекторы обсуждали предстоящие в июне танцы, нервно окидывая глазами входную дверь, боясь встретить непрошеного гостя. Они сортировали пачки журналов, брошюр и газет, а от их бормотания сотрясая пропитанный запахом бумаги воздух и оставался шлейф колкого злорадства.

Я молча распаковывала коробку с книгами, зная, что их веселье жиднется на чьем-то горе.

Кто-то включил церковный радиоприемник, подаренный нам женским клубом из Цинциннати. Пока разогревались лампы, из динамика еле доносился слабый голос диктора, увядающий в беспорядочном потоке слов, бурлящем в нашей комнатке, но постепенно его выступление становилось все четче и четче. Мне нравился радиотеатр Сирс, но помощница инспектора Харриетт Хардин держала приемник только у себя на столе, откуда он с большим трудом из разрешенных ею станций ловил только «ВЛОК», по которой шла *«Горная программа»*. На других каналах известные музыканты играли джаз, но Харриетт называла любителей этой музыки язычниками, поскольку ей не нравились такие песни из-за слишком быстрого темпа и непристойных слов.

Сегодня программу вела девушка. В отличие от людей из наших краев, мне доставляло особое удовольствие ее внятное и красивое произношение, с которым она говорила, не проглатывая ни единого окончания. Я слушала радио при малейшей возможности, стараясь правильно повторять за диктором предложения.

Иногда по дороге к читателям я практиковалась на Юнии. *«Мы с миссис Абернети встретимся с вами у семейства Родериков в восемь часов. Они приготовят вкуснейшую жареную утку в изумительном сухом хересе. Лучшего блюда просто не сыскать в этом городе»*. Порой даже Па приходилось это слушать, но когда ему надоедали мои дурачества, он переходил на ворчание. В такие моменты я начинала путаться, возвращаясь к привычному блеянию, нуканию и словам-паразитам.

Я стала внимательнее прислушиваться к бодрому голосу ведущей, называющей победителя конных скачек, коим оказался жеребец по кличке «Отчаянный авантюрист», произнося про себя каждое ее слово, чтобы запомнить их и повторить в будущем. Новости о кино заставили меня улыбнуться от навеянных воспоминаний о том, как один из моих молодых читателей поехал со своей девушкой на поезде, чтобы посмотреть *«Мятееж на Баунти»*.

Затем по радио объявили, что Г. Л. Дэвис получил Пулитцеровскую премию за свой роман *«Мед в роге»*. Я с удовольствием прочитала вторую часть про поселенцев Орегона,

поэтому от восхищения не могла не захлопать в ладоши. Но ощутив на себе осуждающий взгляд Харриетт, тут же вернулась к работе.

Под столом меня ждала куча ржавых номерных знаков, собранных специально для библиотечных целей. Я взяла один из них и согнула край: получилась книжная подставка, которую можно использовать на столе, полках или даже в пункте выдачи.

У конных библиотекарей не было времени на то, чтобы приезжать за книгами в город. И тогда на помощь приходил специальный курьер, обычно почтальон-доброволец, который развозил материал по нашим пунктам сбора, расположенным неподалеку от гор. Например, мне была отведена старая часовенка, заколоченная досками, которая пережила не один ливневый дождь и потоп от выходящей из берегов реки. Внутри стоял подаренный стол и висело несколько приколоченных добровольцами полок, хранивших материал до моего прихода. Однако в те дни, когда мы работали в Центре, нам разрешалось брать книги с собой, чтобы облегчить труд разносчиков.

На улице послышалось ржание Юнии. Я увидела, как Джексон Лаветт выходит из магазина Компании, направляясь к почтовому отделению. С ухмылкой на лице он поднял кверху яблоко и встал у кричащего мула в надежде увидеть меня в окне. В его взгляде читался вопрос.

От смущения я с большим трудом кивнула ему в ответ и опустила ниже поля капора, продолжив сортировать номерные знаки.

Сзади подкралась двадцатипятилетняя Харриетт:

– Джексон, – едва прошептала она себе под нос, вальяжно облокачиваясь на подоконник. – Это же тот самый богач, который ездил на запад строить большую плотину? А он умен. Раз решил вложить свои честно заработанные деньги. Теперь-то он стал крупным землевладельцем, сколотившим состояние на древесине и минералах. М-м-м... – Харриетт причмокнула губами. – Такому умному красавцу нужна не менее умная красавица. – Представив себя рядом с ним, она расправила плечи и постучала по стеклу, чтобы привлечь его внимание. – Осталось всего три недели до Сладких танцев. Интересно, какую девушку он осчастливит?

В первую пятницу июня в Беспокойном ручье устраивали Вечер Сладких танцев, представляющий собой торги для одиноких людей. Сюда могла прийти любая незамужняя девушка при условии, что она испечет пирог. Все желающие собирались в старом продуктовом магазине, который закрыла Компания, как и другие предприятия нашего города. Под звуки скрипки люди отбивали клоггинг или чечетку на полу из древесных опилок в надежде оказаться в постели с понравившимся им человеком. Мужчины принимали участие в аукционе, победитель которого выигрывал вечер танцев с хозяйкой пирога.

Мне запрещалось ступать на порог того дома, где висела табличка «ТОЛЬКО ДЛЯ БЕЛЫХ», но люди так часто обсуждали эти танцы, что у меня сложилось впечатление, будто я уже была там. Спустя несколько недель после возвращения на работу Юла и Харриетт под любым предлогом сводили разговор к одной теме: новым вышитым платьям, любимым рецептам, будущим и отсутствующим гостям. Я слушала, выхватывая частями, их беседу и представляла себе эти гуляния, чтобы в тот самый день устроить свой праздник в пустой хижине.

– Я дам ему большой кусок своего персикового пирога, – вздохнула Харриетт в полудреме.

Держа в руках стальную мочалку, я очистила ржавчину с угла номерного знака.

– Зачем вообще Джексон возится с твоим уродцем? – спросила она и, поворачиваясь, случайно задела мое плечо.

От удивления Харриетт разинула рот, быстро отдернув трясущуюся руку, будто стряхивая прицепившуюся букашку.

Она боялась прикасаться к моему телу. Но однажды скрепя сердце целый день учила меня ходить по маршруту только для того, чтобы на следующий оставить в полном одиноче-

стве. – Я всю неделю тренировала этого бестолкового Василька, – слукавила тогда Харриетт, обратившись к Юле Фостер.

Я мельком взглянула на Джексона и Юнию, пробормотала «простите» и отодвинулась назад, взяв в руки новый номерной знак.

– Посмотри на себя! – закричала Харриетт.

Я подняла взгляд. Этот крик наводил на меня панику.

В глазах промелькнула искра, до вспышки ярости оставалось всего пару мгновений, как она прошипела:

– У тебя лицо как созревшая черника. Клякса на лице, – засмеялась Харриетт. – Разве она не похожа на старую уродливую чернильницу? Что скажешь, Юла?

Ее выпады ножом резали по живому. Порой мне казалось, что Харриетт только и ждала возможности, чтобы толкнуть меня и со злорадством наблюдать, как синееет моя кожа. Я прижала рукой щеку, наблюдая за тем, как морщится и черствеет ее коричневое, как ремень, лицо.

Обняв себя, Харриетт медленно гладила пальцами свои руки, а после вернулась к своему столу. Каждый ее шаг ощущался как удар под дых. Демонстративно сев на стул, она прибавила громкость в приемнике.

На улице внезапно закричала Юния и так же быстро умолкла. Разговаривая с мулом, Джексон отошел на безопасное расстояние. Она повернула голову, краем глаза смотря на яблоко, вытянула морду и взяла угощение из протянутой руки.

Я не удержалась и тихо засмеялась, настороженно взглянув на Харриетт, разбирающую присланную почту. Повернулась к Джексону Лаветту и отблагодарила его скромной улыбкой.

Он подошел к окну:

– Кюсси Мэри, один друг посоветовал прочесть эту книгу. Интересно, вы слышали о ней что-нибудь?

От любопытства я высунулась из окна.

– *Фер-де-Ланс*?

Я обернулась к Харриетт, которая листала журнал, громко напевая мелодию, играющую по радио.

– Да, сэр, – наконец ответила я тихим голосом. – Это первый детективный роман Рекса Стаута из серии книг о Ниро Вульфе. Очень интересное произведение.

– Правда? Обожаю загадки, – у него по-мальчишески загорелись глаза. – Благодарю, Кюсси Мэри. – Прощаясь, он козырнул, дотронувшись пальцами до виска, хлопнул Юнию по крупу и, развернувшись, ушел.

В растерянности я смотрела ему вслед, который обрывался за углом.

Закончив с подставками, я взялась за кучу коробок с новой литературой, которую нам подарили другие читатели. Это моя любимая часть работы: разбирать пожертвования крупных библиотек, и в такие моменты меня всегда удивляло то, от каких сокровищ порой готовы отказаться люди, выбрасывая, как им кажется, совершенно никчемную макулатуру.

Я вытащила две книги, думая, какую из них привезти Ангелине, и в результате отложила для нее *«Историю о малютке мышонке»*, положив также две брошюры по уходу за ребенком. Затем достала с самого дна *«Историю доктора Дулиттла»*, внимательно осмотрела ее и тоже приберегла для желанного читателя.

Дальше мне на глаза попался старый учебник по грамматике английского языка, присланный из школы в Чикаго. Ни одной разорванной или вырванной страницы – отличная находка. Полистав немного, я отложила его для Ангелины. Возможно, даже получится дать ей пару уроков, если хватит времени самой все изучить.

К своему удивлению, я случайно нашла практически новый роман о жителях шахтерского городка в Англии, который Харриетт давно мечтала прочесть: *«Звезды смотрят вниз»*.

Держа его в руках, я подумывала сначала взять его себе. Но ведь Харриетт просто обожала А. Дж. Кронина. И все-таки лучше отдать его, иначе мне потом несдобровать. Может, ее кислая мина тогда хоть немного преобразится. Теща себя этой надеждой, я подошла к ней.

Будто бы боясь угодить в капкан, она с подозрением сначала взглянула на книгу, потом – на меня.

– Слышала, что вы любите творчество мистера Кронина, – сказала я с едва натянутой улыбкой на лице, положив роман на ее стол.

Глаза засверкали от удовольствия. Она проскрипела тихим голоском: «Спасибо», – и жадно схватила книгу.

– Совсем новая. Как будто только что из печати, – добавила я.

– Что? Да-да, конечно. «*Три любви*» Люси Мур была в таком же состоянии, помнишь? Настоящий шедевр! А когда он утонул? Как она посвятила себя сыну. И все напрасно. Какая трагедия... – На лице Харриетт на миг промелькнула грустная улыбка, ослабив ее суровый нрав.

Я тоже читала этот роман, в котором надменная и самоуверенная Люси, не имея гроша в кармане, могла добиваться своего за счет мужчин.

– А та сцена в бельгийском монастыре, – все не умолкала помощница инспектора, – когда она... – И тут Харриетт остановилась, выпучив на меня глаза.

Мне нравилось то, с каким трепетом она относилась к книгам. Всего на несколько мгновений что-то в ней преобразилось, и я даже забыла о наших различиях и ее истинной сущности.

– Ой, Василек... *Василек!* – она несколько раз щелкнула пальцами перед моим лицом, разгоняя лишние мысли. – Возвращайся к работе, – проворчала Харриетт, хотя она, несомненно, была очень рада получить этот роман, а еще больше ей понравилось чувствовать себя литературным критиком, высказывающим свое мнение.

– Да, мэм, – на лице застыла глупая улыбка.

Сев за свой стол, я стала копаться в другой коробке, с журналами, но ничего особенного не нашла. Зато на глаза попалась выкройка из журнала *Vogue* с изображением детской сорочки – это пойдет в альбом. Рядом лежали старые ноты, которые очень быгодились учительнице Винни Паркер. Я взяла еще пару буклетов о здоровье и гигиене и аккуратно сложила их в свою стопку, постепенно растущую в размерах.

Перешла к следующей коробке в поисках «*Фермерского альманаха*», который попросил привезти один читатель. Копнула еще глубже, параллельно высматривая Стейнбека, и сломала ноготь. Но вместо них обнаружила старый журнал за июнь 1935 года, на глянцевой обложке которого красовалась девушка в сказочном свадебном платье, и несколько книг для Орена Тафта – моего пятничного читателя, живущего в ущелье за горой. Несмотря на плохую погоду, непредсказуемые дороги и долгий путь я всегда была рада увидеть его доброе лицо.

Под кучей старых учебников и семейных журналов пряталась газета, которая точно пришла бы по вкусу семейству Смитов. Новый тираж от пятого мая 1936 года, и это при том, что обычно мы получаем издания, устаревшие минимум на месяц, а иногда и того больше.

Чувствуя, как от сильного волнения синяя краска стала заливать шею, медленно подступая к лицу, я потеряла руки темно-фиолетового цвета. Нервно прижала газету к груди и вдохнула еще свежие чернила, уткнувшись носом в страницы.

Находкой оказалась газета «*Луисвилл Таймс*». Я пробежала глазами по заголовкам, посвященным облаве на одно городское игорное заведение, прочитала статью о вторжении итальянцев в место со странным названием «Эфиопия», полистала пару страниц и увидела не менее странную рекламу женского купальника светло-коричневого цвета за целых 6,95 доллара. За эти деньги можно было прокормить сразу несколько семей на всю неделю. Сам купальник мало что скрывал, выставляя напоказ каждый миллиметр женского тела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.